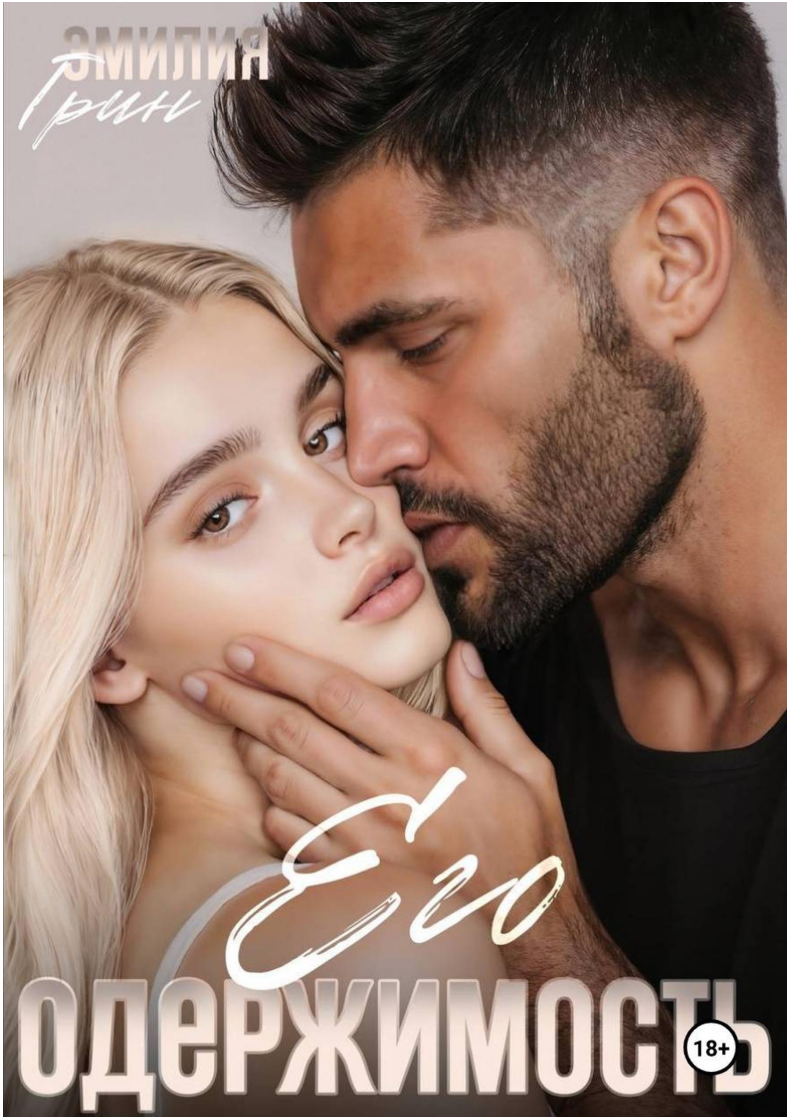

Эмилия Грин
Его
одержимость
18+

Эмилия Грин
Его одержимость

https://litres.ru/74789392
SelfPub; 2026

Аннотация

Он друг ее отца Но однажды ночью на отдыхе в горах она перепутала домики, случайно заглянув на огонек к дикому, необузданному, опытному мужчине, который забрал ее невинность. Тогда она еще не догадывалась, что совсем скоро он станет ее боссом

История Веры Апостоловой (дочери Артема и Саши) и Вадима Завьялова

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ -

Содержание

POV Вера Апостолова 5
Конец ознакомительного фрагмента. 119

Эмилия Грин
Его одержимость

Первая часть – Ее секрет

POV Вера Апостолова

- Вера, во время отдыха ты производила впечатление вполне смышленой девушки, – с отчетливым эхом насмешки. – Не ожидал, что ты столь обделена интеллектом, – его ледяной взгляд задержался на уровне моей груди, обтянутой тонким хлопком платья, и губы вновь искривились в усмешке.

Не ожидал, что ты столь обделена интеллектом…

Эти слова рубанули по живому, пуская кровь.

- Чудо, у нас с тобой вроде был уговор? – лениво добавил Завьялов, прицокнув языком, и вглядываясь в мои карие глаза.

Его пронзительный взгляд, казалось, физически удерживал меня на пороге.

- Наш уговор остается в силе… – несколько заторможено отозвалась я, не в силах даже вдохнуть.

- Тогда позволь поинтересоваться, что в очередной раз привело тебя в логово хищника? – с нескрываемой издевкой.

- Может, я все еще не теряю надежды *его* приручить? – едва слышно отчеканила я, упрямо, из последних сил, выдерживая его сшибающий с ног, убийственный взгляд, только усиливающий во мне это чувство бесконечного падения.

- Вера, не всех хищников можно приручить… – вдруг назидательно изрек Завьялов.

И тогда мужчина, не отрывая глаз от меня, медленно, почти лениво потянулся к верхнему ящику стола. Щелчок прозвучал оглушительно громко в повисшей между нами гробовой тишине.

Он вынул сигарету и зажигалку. Не говоря ни слова, Завьялов отодвинул кресло и поднялся. Его широкоплечая, поджарая фигура в безупречном костюме заслонила собой часть окна.

«Большой босс» подошел к панорамному стеклу, нашел незаметную ручку, повернул ее и резко толкнул створку. В спертый воздух кабинета ворвался пронизывающий до костей ветер с улицы.

Я поежилась, инстинктивно внимая каждому его движению. Ду-ра.

Завьялов прислонился плечом к раме, повернувшись ко мне вполоборота. Щелчок зажигалки. Пламя осветило его скулы и напряженную линию сжатых губ.

Он поднес огонь к кончику сигареты, сделав глубокую, жадную затяжку. Вырвавшийся из его легких густой дым, тут же был подхвачен ветром, исчезая за пределами кабинета.

Некоторое время мужчина курил, глядя куда-то вдаль, но я чувствовала только сгущающееся между нами напряжение. Он табачил, будто пытаясь заглушить что-то глубоко внутри.

- Через несколько дней ты должна сказать Смирновой, что неверно рассчитала свои силенки и увольняешься. Вот тогда это будет поступок не только умной не по годам, но еще и

мудрой девушки, принцесса, – негромко с хрипотцой выдал он.

- Должна, – я усмехнулась, – но ведь не обязана, Вадим Михайлович? – едва не ощерившись, горько произнесла я.

- Не обязана, – он сделал последнюю, самую глубокую затяжку.

Затем резким, отточенным движением щелчком отправил окурок за окно, вновь опускаясь в кресло.

- Но подобное неверное решение, малышка, будет расценено как непроходимая глупость. Я искренне надеюсь, что ты поступишь умнее.

Малышка…

Вадим сцепил пальцы на столешнице. Его взгляд, еще более мрачный и хлесткий, быстро скользнув по моей фигурке, вновь сконцентрировавшись на лице.

Чтобы ни чувствовал ко мне Завьялов, он не воспринимал меня всерьез. Он видел во мне взбалмошную девчонку, которая нафантазировала себе черт знает что.

Что мне оставалось?

Ну, разумеется, доказать этому самоуверенному мужику обратное.

Что эта «малышка» способна на многое.

Он пока даже не догадывается, на что…

- Я вас услышала, Вадим Михайлович, – теребя пуговку в области груди, с придыханием томно озвучила я, наслаждаясь зачином стихийного бедствия в его медленно свирепею-

щем взгляде.

***

Стоит ли говорить, в каком разобранном состоянии я вернулась в кабинет Смирновой, разумеется, стараясь тщательно скрыть это за маской псевдовоодушевления.

- Ну, как впечатления от общения с нашим большим боссом? – Юлия едва ли не ослепила меня своей лучезарной улыбкой, а еще на краткий миг мне вдруг показалось, что она умышленно сделала нажим на слове «большой».

Кхм.

Неужели то, что я заподозрила, когда эти двое были у нас в гостях правда, и «большой босс» так быстро утешился в объятиях другой?

- Вадим Му… Михайлович, – хотя сперва я чуть не назвала его Мудаковичем, был крайне вежлив. Уверена, мы с ним сработаемся, – отбила я ответной, едва дрогнувшей улыбкой.

- Я в этом ни капли не сомневаюсь – такие начальники как манна небесная, – Смирнова усмехнулась, слегка подталкивая меня в сторону выхода. – Вера, пойдем, я представлю тебя коллективу.

Вскоре мы оказались в просторном помещении, с пространством, зонированным лишь перегородками и стеллажами, где у каждого был свой уголок.

- Внимание, команда! Прервитесь на минутку, – завибрировал повелительный голос Юлии.

Я почувствовала, как тепло приливает к щекам, когда на меня уставились несколько пар пытливых глаз. В основном женских.

- Это Вера Апостолова – наш новый дизайнер-стажер. С сегодняшнего дня она укрепит наши креативные ряды. Давайте поприветствуем!

Раздался не стройный, но энергичный звук аплодисментов. Сглотнув комок напряжения, я попыталась улыбнуться. Вышло вполне естественно.

- Вер, давай познакомимся поближе. Это Оля, – Юлия указала на девушку с ярко-рыжими волосами и внимательным оценивающим взглядом за большим монитором.

Та неохотно улыбнулась.

Я моментально уловила исходящую от нее деструктивную ауру, догадываясь, что сработаться нам будет непросто.

- А рядом наш технарь и гуру движков – Мирон. Если что-то упало, сломалось или мигает не тем цветом – сразу к нему.

Парень в очках и с буйной кудрявой шевелюрой кивнул: не отрываясь от экрана, он поднял руку в знак приветствия.

Его стол был образцом порядка: два огромных монитора, графический планшет, мерцающая клавиатура и ни одной лишней бумажки. Только обложка раритетного журнала «Плейбой» на перегородке. Оу.

- Если что-то упало – сразу поднимем, – гортанно хохотнул Мирон, нехотя переводя на меня взгляд. – Обращайся!

Далее Юлия представила мне еще нескольких улыбчивых

сотрудниц, среди которых больше всего запомнились Катя – русоволосая девушка в безразмерном кардигане с цветочным принтом и Люся – хрупкая брюнетка с каре и большими добрыми глазами, подмигнувшая мне из-за своей кружки с таба-лапкой.

- Приятно со всеми познакомиться! – искренне отозвалась я.

- Вера, твое рабочее место у окна. Осваивайся! Если будут какие-то вопросы – милости прошу! – расшаркивалась в любезностях Смирнова, пока я, пробормотав «очень приятно» направилась к указанному столу.

Когда «процедура знакомства» подошла к концу и начальница удалилась, а ребята перестали обращать на меня внимание, я еще раз осмотрела помещение, отметив, что здесь, в самом деле, очень уютно.

Около стены стояла доска со вдохновляющими стикерами и забавными фотографиями с корпоративов над которой висела полка с чаем, кофе и печеньями.

Отвлекшись на миг, я посмотрела в окно, заметив на парковке Завьялова.

Быстрым уверенным шагом он сократил расстояние до своего белоснежного внедорожника, прыгнул в тачку, и, спустя несколько мгновений, автомобиль агрессивно сорвался с места.

Ох…

Пару дней спустя

Первое сентября в нашем университете традиционно проходило по одному и тому же сценарию – сначала на импровизированной сцене перед главным корпусом выступал ректор, затем наступал звездный час старост и активистов.

После официальной части толпа рассыпалась по корпусам.

Первокурсники отправлялись на свои первые организационные собрания, а старшим курсам можно было эту формальность пропустить, чем мы с сестрой и не преминули воспользоваться.

Правда, скоро наши пути разошлись, потому что Люба укатила с Ильей, а я, отбрехавшись, что хочу прогуляться пешком, отправилась в гордом одиночестве, которое, к сожалению, довольно быстро оказалось омрачено появлением Жени Завьялова.

- Верунь? Вот так встреча! – выкрикнул он, быстро покидая салон авто, и буквально преграждая мне дорогу.

- Привет Жень… – подавила вздох я. – Как жизнь?

- Наконец, это сборище уродов закончилось, – Завьялов-младший показушно зевнул. – Я чуть не оборжался, пока слушал этого старпера.

- Ты про ректора? – уточнила я, вопросительно вскидывая бровь.

- Ну да! Он всегда так много пиздит? – поинтересовался Завьялов, прищурившись, на что я даже не сразу нашлась,

что ответить, несколько озадаченная этим «сшибающим с ног потоком интеллекта».

Как назло, именно в этот момент сгущающиеся с самого утра тучи разразились мерзопакостным дождем, и я пожалела, что отклонила предложение Любы и Ильи поехать с ними, прямо-таки предчувствуя, как будут развиваться события дальше.

И не ошиблась – спустя пару минут препирательств, во время которых дурацкий дождь лишь усилился, я все же оказалась на пассажирском сидении Женькиного авто.

Короче, влипла по полной…

- Охренеть, самая красивая девушка Москвы сегодня со мной! – хмыкнул Женя, развалившись на водительском месте, будто на троне: он невзначай скользнул по своему причинному месту ребром ладони.

Я с трудом удержалась от закатывания глаз, припоминая, как еще несколько недель назад Завьялов втирал всю ту же дичь Левицкой. Хорошо, что моя подруга не повелась на его бессмысленную мишуру.

- Я думала Полина – самая красивая девушка Москвы? – все-таки не удержалась от шпильки я.

Женька развязно хохотнул, скользнув по мне чересчур прямолинейным взглядом.

- Верунь, все мужики врут, поэтому выбирай того, кто врет в «Лексусе», – с грошовым пафосом припечатал он, врубая на полную свою «самцовость».

- Жень, не смеши.

- Ну, вы же, девчонки, любите плохих парней?

Так и хотелось объяснить ему, что есть плохие, как, например, его отец-мудак, а есть … хм… дерьмовые. И Завьялов-младший явно относился ко второй категории.

- Как там говорят – Дьявол носит «Прада»? – тыкая пальцем в логотип люксового бренда у себя на груди и поигрывая бровями как какой-нибудь третьесортный гангстер. – Кроме шуток, я реально лучший кандидат на роль твоего парня.

- Даже не сомневаюсь, – хмыкнула я, стараясь не задохнуться от сплошного концентрированного пафоса, сгущающегося между нами.

- Как будто я, блять, специально лучше всех? – высокомерным смешком он отреагировал на свой же идиотский выпад.

Позерство парня вызывало во мне лишь снисходительную улыбку, которую я сейчас едва сдерживала, из-за чего окончательно попутавший берега Женя продолжал насиловать мою нервную систему.

- Присмотрел у нас на Рублевке неплохую забегаловку – предлагаю там похавать? – водитель лихо вывернул руль, подрезая чей-то скромный хэтчбек, и самодовольно хмыкну. – Стоять – бояться.

Встретив ледяным молчанием очередной его наглый взгляд, я отвернулась к окну.

- Верунь, так что? – не унимался мой «счастливый билет

в сытую жизнь».

Если бы не мое воспитание, так бы и ответила – *«я бы сразилась с тобой в интеллектуальной дуэли, но вижу, что ты без оружия».*

- Мне нужно домой – надо подготовить кое-что перед встречей с начальницей – с завтрашнего дня я приступаю к работе в отеле, которым управляет твой отец, – сухо сообщила ему я, даже не догадываясь, какое впечатление произведет на меня продолжение нашего разговора…

- Ты все-таки устроилась работать? – хмыкнул явно потрясенный до глубины души Женька.

- Ну да. Я же тебе говорила, – не скрывая разочарования, напомнила ему я.

- Я подумал, ты, как и большинство девчонок, набиваешь себе цену, – с вайбом простоты, которая хуже воровства, признался он, только подтверждая мою мысль, что думать ему противопоказано.

Вот вообще не его.

- Жень, я же сразу тебе все сказала, – протяжный вздох. – Похоже, ты для меня слишком хорош… – не удержавшись, я все-таки хмыкнула в кулачок, отчего-то не сомневаясь, что Евгений не уловит в моих словах ни толики сарказма.

- Да брось, – на полном серьезе начал Завьялов-младший. – Просто… зачем тебе работать? – все с той же неподдельной искренностью.

- Не понимаю вопроса.

- Ну, у твоего бати бабла немерено. Целая бизнес-империя! Зачем тебе напрягаться? – вопрошал он, резко тормозя на перекрестке.

Не надеясь на какое-то понимание, я все-таки объяснила.

- Родители с детства прививали нам с сестрой мысль, что человек загнивает без развития.

- Ну, я как бы тоже не собираюсь просиживать штаны, – осклабился Женька. – Полагаю, после окончания универа батя подгонит мне вакантное местечко, – он хмыкнул.

- А если не подгонит?

- Батя у меня мировой мужик – подгонит, – не улавливая моего троллинга, настаивал он. – Значит, ты теперь у него работаешь… – бросая на меня прищуренный взгляд, – интересненько.

- Что именно?

- Да так… – Женя скабрезно рассмеялся.

- И все-таки? – сильнее раздражаясь.

- На его прошлой работе бабы из трусов выскакивали, лишь бы отец обратил на них внимание… Он же у меня видный мужик. Или в кого, ты думаешь, я такой охуенный?

«В соседа сверху…» Так и хотелось ответить этому придурку.

- И как у них успехи?

- У кого?

- Ну, у этих… выскакивающих из трусов… – я нервно хихикнула.

- Поговаривают, батя оприходовал половину села, когда мы жили на Алтае. Девки рады с ним шалавиться… Как ты думаешь, кто взял на себя вторую часть? – Женя склонил голову, поигрывая бровями.

Я сглотнула странный тошнотворный ком, проигнорировав этот вопрос.

Оставшаяся часть поездки прошла молча.

***

Следующая неделя оказалась очень насыщенной.

С утра я посещала университет, а после обеда приезжала в отель, потихоньку включаясь в рабочий процесс.

К слову, основные отделочные работы уже были завершены – вектор стиля был задан и согласован еще прошлой командой, распущенной вместе с уволенным руководителем.

Нам же необходимо было довести дело до ума, чем мы и занимались денно и нощно, так как большая часть коллектива, так же, как и я засиживалась в офисе допоздна.

Что же до моего общения с Большим боссом, то с того знаменательного дня мы с Завьяловым больше ни словечком не перекинулись, и меня вполне устраивал такой расклад.

- *Вера, поднимись на верхний этаж. Нужно твое мнение*, – пришло мне сообщение от Юлии, после которого я вынуждена была отложить яблоко, и понестись в сторону служебного лифта, на ходу продолжая переписку.

Только когда тяжелые створки начали сходиться, я рез-

ко подняла голову, увидев Завьялова, стоящего в противоположном углу. Глаза в глаза. И разряд в двести двадцать, от которого стало сухо в горле.

Я сделала неглубокий судорожный вздох, вздрогнув, когда на этот болезненный зрительный контакт наложилось насыщение легких его дорогим древесным парфюмом.

Вадим скользнул по мне быстрым, ничего не выражающим взглядом, спустя миг, опустив его к носам своих начищенных до блеска туфель. Уголок его губ немного приподнялся.

Вцепившись пальцами в телефон, я уставилась на мигающие цифры, считая этажи: три… четыре… Скорее бы уже доехать. Мое отражение в зеркальной двери было бледным и напряженным. На затылке выступила испарина.

И вдруг резкий толчок, из-за которого я с трудом устояла на ногах.

Свет лампы замигал и погас, сменившись тусклым аварийным свечением, и лифт замер. Я инстинктивно отпрянула, прижимаясь к прохладной стенке кабины.

Секунда… Две…

Он не двигался.

Похоже, мы, в самом деле, застряли.

- Блять, – тихо выругался Завьялов.

Он нажал кнопку вызова, затем кнопку нашего этажа, после чего несколько раз резко пробежался пальцами по панели.

Ничего. Глухо, как в танке.

О, нет! Лифт в самом деле застрял!

Вернувшись к противоположной стене, Большой босс уставился на меня с холодной, глумливой усмешкой, слегка склонив голову.

- Думаешь, это я остановила его силой мысли? – гордо вскинув подбородок, я ответила Мудаковичу прищуренным взглядом исподлобья, стараясь вложить в него все свое пренебрежение.

Вот только…

Его губы приоткрылись, но ничего не выдали, сомкнувшись снова.

Завьялов коснулся языком внутренней стороны своей щеки. Движение это было непродолжительным, скорее автоматическим. Каким-то звериным, что ли…

Интересно, о чем повествовал язык его тела?

В тусклом свете глаза мужчины казались совсем темными, почти черными. Было в них нечто подогревающее кровь в венах, на уровне инстинктов шепчущее *«dangerous»* и запускающее жар во все уголки моего слабеющего тела.

Увы.

Глупо это отрицать под тяжестью осоловелого мужского взгляда.

Он смотрел на меня, как в ту ночь, когда мы впервые стали близки, или на пикнике… после того, как завелся… Голод. Его голод казался практически осязаемым, сплетаясь с

адреналином, просачивающимся сквозь мою покрытую мурашками кожу.

Я вздрогнула от постороннего шума, не сразу сообразив, что это я так громко сглотнула.

Боже. Боже мой.

Завьялову было достаточно одного лишь взгляда, чтобы мои конечности превратились в желе. Он подавлял одним своим присутствием. Ох. Не самый обнадеживающий прогноз. Особенно, учитывая, что я решила всеми способами вытравить Мудаковича из своей глупой головы.

Тишина между нами напитывалась чем-то опасным.

Его широко распахнутые карие глаза приобрели странное выражение, будто Большой босс мысленно вернулся к нашему горячему разнузданному свиданию на лесной опушке.

Я вдруг вспомнила, сколько раз за тот волшебный день он возносил меня на вершину удовольствия, непроизвольно прикусывая губу…

Поднявшись на носочках, я заметила край ажурной резинки чулок – так спешила, что даже не удосужилась их поправить. Стыд и срам.

Переложив телефон в другую руку, я на автомате коснулась края подола, слегка задевая резинку, в надежде, что Завьялов не заметит. Но он заметил…

Я это поняла, вновь посмотрев мужчине в глаза… и…

Резко потрясенно отпрянула, прижимаясь лопатками к стене.

Вадим вновь пронзил щеку языком с внутренней стороны, сжимая челюсть. Я уловила, как дернулся его кадык, пока в глазах разгорался такой животный огонь…

- У нас серьезные проблемы, принцесса. Но у тебя все еще есть возможность отделаться малой кровью, – его свистящий шепот ударил по моим суженным сосудам, пока безвольное тело насыщалось тем, что так безапелляционно транслировали его опасно прищуренные глаза.

- А вариант решить проблему бескровно имеется? – я закусила губу, пытаясь бороться с цепким взглядом Вадима, лишающим меня четкости мыслей.

Я чувствовала, что у него под кожей заструилось то самое, невысказанное, темное, маленькими ложечками сжирающее мою душу. И я до сих пор не могла уловить природу этого странного веяния.

Сердце билось неистово, вены жгло от сгущающегося между нами морока.

Мое дыхание участилось, когда чувственные губы мужчины сложились в некое подобие улыбки, больше напоминающей звериный оскал. Пробирающей до мурашек, до дрожи, до тянущего, сосущего чувства под ложечкой… Да что за…

- Бескровно не выйдет, Вера, – проворно сократив расстояние, Завьялов резко и жестко прижал меня собой к стене, выбивая из легких весь воздух. – Ты не понимаешь, во что ввязываешься, – он медленно склонился к моему уху, обдавая щеку своим горячим неровным дыханием, после чего на-

крутил на кончик указательного пальца прядку моих волос, жадно вдыхая сквозь стиснутые зубы.

Пробрало.

Это зрелище хорошенько так встряхнуло и пробрало.

У меня все тело онемело. Конечности превратились в желе. Потому что чувствовала – его границы стремительно отодвигаются, а стены, словно карточные домики, складываются одна за другой.

Вадим Михайлович рядом со мной терял свой гребанный рассудок… Его внутренний зверюга бесновался, пытаясь проломить клетку из рациональности и устоявшихся, пардон, устоев. И такое положение вещей явно не устраивало привыкшего все контролировать Большого босса.

- Может, объяснишь? – я сделала глубокий судорожный вздох– от его близости кожу пропитало адреналином настолько, что она зудела.

- Я уже все тебе сказал, сладкая. Не люблю повторять дважды, – Вадим хотел добавить что-то еще, вдруг задержав слова на вдохе, и так отчетливо коснулся моих приоткрытых губ своим дьявольским взглядом, что низ живота, будто крутым кипятком обдало.

«Вера, я не смогу сделать тебя счастливой…» – вспомнились мне его слова во время пикника.

- Объясни! Я не понимаю… – процедила я со смесью отчаяния и презрения.

Вместо ответа Завьялов немного подался вперед, касаясь

всей своей большой раскрытой ладонью моего лица, уводя ее назад, неожиданно придвигая меня еще ближе к себе.

Я утонула в его горячем дыхании, жаре, запахе, судорожно облизывая губы…

- Держись от меня как можно дальше, принцесса, – рука на моем лице на мгновение сжалась, Завьялов дергано зло стиснул губы, и я почувствовала свое сердце где-то у горла, потому что его каменная эрекция врезалась мне в живот, производя какой-то парализующий эффект. – Сладкая, ты меня поняла? – пальцы мужчины сильнее сжали мою щеку. – Не вынуждай меня играть против правил, – шершавая рука со щеки перешла на горло, и на миг мне стало нечем дышать.

Второй рукой Вадим обнял меня за талию, теснее прижимая к себе. К своему паху.

- Вера, я не хочу причинять тебе боль, – прохрипел он, кажется, взвешивая каждое свое слово. – Ты ведь особа царских кровей, – с мрачным смешком. – Не забывай о своей короне, девочка… – глядя на меня с таким странным выражением на дне красивых карих глаз, что мне стало не по себе.

Не забывай о своей короне…

Он говорил загадками.

Не знаю уж, о какой короне шла речь…

Однако в этот момент я отчетливо осознала – есть что-то еще, скрывающееся за неприступным фасадом Вадима Завьялова, и дело не только в моем отце или нашей «огромной» разнице в возрасте, существовало что-то еще, о чем я

не была в курсе, отчаянно желая докопаться до истины…

Мягкий рывок лифта напомнил нам о реальном положении вещей, и Большой босс резко отстранился, на несколько мгновений убито прикрывая глаза ладонью.

Он поправил манжет рубашки, оттянув брюки в районе паха, так больше ни разу на меня не взглянув.

***

Остаток дня прошел, словно в густом обволакивающем тумане.

Не было сил долго оставаться на рабочем месте, и, сославшись на головную боль, я довольно рано вернулась домой, где меня ждал сюрприз.

На моем столе стояла небольшая подарочная коробка, перетянутая атласной лентой. Ни записки, ни открытки. Только мое имя, выведенное изящным курсивом на маленькой бирке.

Наверняка, Люба или мама подсуетились, решив поднять мне настроение.

Быстро разорвав упаковочную бумагу, я прочитала витиеватую надпись:

«Не открывать»

Что?

Это должно быть какая-то шутка?

- Л-ю-ю-б! – выкрикнула я, напряженно прислушиваясь.

Ноль ампер.

- М-а-а-м!!! – еще громче, но так и не дождалась ответа – судя по всему, кроме меня в доме больше никого не было.

Да что за…?

«Не открывать»

Не знаю почему, но на ум пришел миф о Пандоре, любопытной девушке, получившей от Зевса таинственный сосуд: она его открыла и беды разлетелись по миру. Только на дне, под захлопнутой крышкой, осталась одна лишь *надежда*.

Нервно рассмеявшись, я все-таки подняла крышку коробки, обнаружив там…

Шоколад.

Несколько аппетитных плиток. Да не абы каких…

В центре возвышался темный трюфель, украшенный тончайшей золотой пыльцой и лепестками сушеной малины. Рядом лежали фисташковые конфеты. Дальше шли батончики карамели. И все это было усыпано хрустящими карамелизированными орехами.

Я не смогла сдержать смешок, засовывая нежнейшее пралине себе в рот.

- М-м, – ну, разумеется, мама оставила у меня на столе что-то из своих сладких новинок.

Несколько дней назад она как раз обмолвилась, что разрабатывает новое меню для своей сети кофеен «Сахарок».

Ну, а надпись «не открывать» очень в ее стиле – черный юмор у Апостоловых в крови.

Рассмеявшись, я следом отправила в рот орешек, и, чув-

ствуя, как немного поднимается настроение, сосредоточилась на работе в планшете.

***

Первая половина дня прошла в привычной учебной рутине. После чего, пообедав, я поехала в офис, как раз успев к летучке.

…Вскоре обсуждение коснулось дизайна лобби на верхнем этаже отеля, так как Юлия забраковала ранее согласованный проект.

Ребята по очереди предлагали довольно скучные, тривиальные решения. Начальница кивала, но все ее эмоции можно было без труда считать по лицу.

Я едва ли сдержала зевок, когда рыжеволосая Ольга подняла руку.

- Коллеги, мы ищем сложные идеи, когда все гости на самом деле хотят одного, – она сделала тарантиновскую паузу. – Безупречного шика. Я представляю вам концепцию «Имперская роскошь», – провозгласила она, щелкая новой презентацией.

И на экране возникла картинка, от которой у меня резко заболели глаза.

Диваны и кресла – с гнутыми ножками, обитые шелком с вытканными на спинках коронами. Повсюду многочисленные колонны. На стенах портреты в золоченых рамах самого отеля, изображенного в виде дворца. В углах – напольные

вазы под бронзу…

Я с трудом сдержала едкий комментарий, сперва, подумав, что она нас разыгрывает.

Никогда не понимала желания людей оформлять свои дома а-ля царские палаты в стиле «дорохо бохато», чтобы всем показалось, что владелец хором сказочно богат и невероятно крут...

Оля немного гундосила, время от времени ища поддержку в лице нашего айтишника Мирона, что навело меня на мысль о возможном пикантном характере их отношений.

Парень периодически энергично кивал, поэтому рыжая с каждой минутой все воодушевленнее рассказывала про «золотые унитазы».

Ольга перелистывала безвкусные картинки, пока я скользила задумчивым взглядом по лицам остальных, отмечая на них растерянность.

Наконец, сдержанно улыбаясь, девушка опустилась обратно в кресло, а очередь дошла до меня.

Юлия сделала мне знак рукой.

- Вера, у тебя есть идеи? – начальница заученно улыбнулась, постукивая по столу пальчиками с идеальным маникюром.

Я глубоко вдохнула, собираясь с мыслями.

- Позвольте предложить альтернативу, – голос прозвучал чуть громче, чем я планировала.

Все взгляды повернулись ко мне.

Тогда я нажала кнопку на пульте, и на экране вспыхнул мой концепт: динамичные линии, природные текстуры вместо пафосных материалов, живое вертикальное озеленение как центральный элемент дизайна.

- Я обратила внимание, что в проекте нашего отеля отсутствует его философия, – тихонько кашлянула. – Пока мы смотримся как еще один безликий пятизвездочник, коих в Москве миллион, – пожимая плечами, я вновь перевела взгляд на экран, перелистывая слайд.

- А как же моя философия «Имперской роскоши»? – рыжая недовольно поджала губы. – Гости должны с первого взгляда понимать статус заведения…

Я посмотрела на начальницу, которая молча наблюдала за нашим спором, скрестив руки на груди.

- А что, если мы будем позиционировать отель не как дворец, а как оазис? – предложила я, стараясь, чтобы голос не дрожал. – Место, где усталый путешественник может перевести дух, ощутив связь с природой, даже в центре мегаполиса, – я вновь перелистнула слайд, заостряя всеобщее внимание на небольшом фонтанчике возле дальней стены.

Первой реакцией коллег было напряженное молчание.

Потом зашептались Лена с Ксюшей.

- Слишком авангардно... Как-то странно… – высокомерно озвучила Ксения. – Это не ДНК нашего отеля.

- Тренд на экологичность уже давно прошел, – вторила ей Лена.

И тут Юлия подняла на нее въедливый взгляд, а затем медленно перевела его на меня, продолжая монотонно постукивать по столешнице.

- Я согласна, – произнесла она, и мое сердце упало. Но начальница продолжила, обращаясь ко всем. – Я согласна, что у нашего проекта хромает позиционирование. Вера права, – она сделала паузу, вновь внимательно задерживаясь на странице презентации, – мы ведь хотим, чтобы о нас говорили, и возвращались еще, поэтому должны удивлять.

Я кивнула, стараясь сохранить профессиональное спокойствие, ведь только что впервые получила одобрение от своей начальницы, почувствовав небывалое воодушевление.

- Вера, перешли мне, пожалуйста, свой проект. Я кое-что подправлю и покажу Вадиму Михайловичу, – подмигнув, она покинула кабинет.

Я же, не обращая внимания на любопытные взгляды коллег, вернулась к своему столу, сделав, как она просит, и вновь сосредоточилась на работе.

Какое-то время мы с Юлией переписывались, обсуждая детали моего проекта, как вдруг от нее пришло.

- Рабочий день уже закончился. Продолжим завтра.

- Я еще немного задержусь.

- Хорошо. Только не засиживайся допоздна.

- Кто бы говорил… – намекая, что моя начальница все эти дни уходила с работы еще позже меня, лишь сегодня сделав исключение.

- Да, в кое-то веки я вспомнила про личную жизнь… Ну, все. Убегаю! – и ее иконка погасла в сети.

***

Минут через пятнадцать, борясь с голодом, я вышла на улицу, решив купить себе сэндвич.

Я уже почти прошла мимо парковки, как мой взгляд зацепился за что-то…

За кого-то.

Белоснежный внедорожник Завьялова. И в него запорхнула Юлия, предварительно поменяв свой строгий черный костюм на сексуальное красное мини и кожаную куртку.

Да, в кое-то веки я вспомнила про личную жизнь…

Перед тем как исчезнуть в салоне, моя начальница на мгновение замерла, быстро оглядевшись по сторонам, после чего, с чувственной улыбкой на губах, она хлопнула дверью, и автомобиль сорвался с места…

На следующий день атмосфера в офисе была, прямо скажем, мрачноватой.

Когда я пришла, Юлия написала, что они с Завьяловым одобрили мою идею с позиционированием отеля, за пару часов до моего прихода поставив дизайнеров в известность.

И вроде бы я радоваться должна, что мою концепцию оценили, однако внутри коллектива знатно так фонило негативом, направленным в мою сторону.

Ну, еще бы… Складывалась весьма красноречивая кар-

тина – дочка генерального директора, еще и третьекурсница-стажерка посмела высунуться вперед. Ситуация явно попахивала керосином и … кумовством.

Только никто из них не знал, что кроме учебы в университете я прошла курсы «Interiorize» и курсы «Home Styling Master».

За неимением личной жизни я предпочитала учиться, да.

А отец, все еще находящийся в командировке, вообще не знал о моем нахождении здесь. Я надеялась, в конечном итоге он не будет против…

- *Вера, зайди ко мне, пожалуйста,* – по рабочему чату пришло сообщение от Смирновой, после чего, поднявшись, я направилась в ее кабинет.

Юлия сидела за столом, обложившись распечатками моей презентации и разными образцами ткани, с задумчивым видом покусывая губу.

- Еще раз здравствуйте… – кивнув, я уселась напротив.

- Привет, Вер.

Внезапно перед ней ожил телефон.

Одного взгляда на экран хватило, чтобы губ блондинки коснулась краткая смущенная улыбка.

Она взяла айфон в руку, но тут же положила его обратно.

- Как думаешь, лучше сразу ответить или для приличия выждать немного?

Я вопросительно приподняла бровь.

- Ну, вчера у нас было первое свидание, – нервный сме-

шок, – и вот он вновь предлагает встретиться…

Сердце сделало кульбит. Внутри воцарился хаос, однако я с наигранным интересом уточнила.

- Первое свидание?

- Ага. Спустя дохрелион времени после моего последнего расставания. Я уже и забыла весь этот романтический этикет. На каком свидании можно целоваться? На каком – лечь в койку, чтобы он не подумал, что я легкодоступна… – Юлия смущенно улыбнулась. – Ты как считаешь? – у нее на языке явно вертелся вопрос: «Когда уместнее дать?».

Так и хотелось поделиться с ней своим горьким опытом секса еще *до всяких там свиданий*. Ха! Умеем. Практикуем. Запатентовано Верочкой Апостоловой.

Вот бы она удивилась…

- Наверное, у всех все индивидуально, – я пожала плечами. – Порой, проскакивают такие искры… затушить которые нереально, – пытаясь справиться со своими эмоциями, я сделала глубокий вздох.

Нет. Ни в коем случае нельзя спрашивать.

Нельзя. Нельзя. Нель…

- И как ваше свидание? – вырвалось против моей воли.

Глупая, ну, заче-е-м?!

- Э-м… отлично, – очередная непринужденная улыбка, – кажется, оно возглавит мой личный топ первых свиданий последних месяцев. Представляешь, он отвез меня в новый итальянский ресторан «Sotto le Stelle» и сделал заказ на свой

вкус. Шампанское, сыры, нарезки, фрукты…

- Шампанское? – мое сердце ожило где-то в горле.

- Ага. «Дом Периньон»! – глаза моей начальницы просияли. – Можешь себе представить?

О, еще как!

До боли знакомый почерк…

Дорогое шампанское, сыры, фрукты…

- «Дом Периньон»… – безотчетно повторила я с комом в горле, в красках вспоминая как Вадим угощал меня тем же самым алкоголем во время нашего пикника.

Какой обходительный!

- Чтобы мужик в наше время на первом свидании так потратился на девушку? – Юлия хмыкнула. – Мой бывший в конце отношений вообще сказал, что я тарелочница и встречалась с ним ради еды! При этом последние недели он жил за мой счет…

- Ничего себе! – я присвистнула, потому что Юлия, ну никак не производила впечатления женщины, которая будет встречаться с кем-то, чтобы поесть.

Господи, прости.

- За последние полтора года, Вер, кем я только не была – и «чайкой», и «нищебродкой», и «шкуропаткой»! Хотя после первого свидания с данными экземплярами сразу было понятно – их «лучшая женщина» – это правая рука. Альтернативно развитые мамкины корзиночки! – прыснула она.

Я от души рассмеялась, еще раз хорошенько прифигев.

Если уж таких красоток с мозгами обзывают шкуропатками…

Товарищи, куда мы катимся?

- Ой, что это я все о себе, да о себе… Ну, а как у тебя на личном? – с искренним интересом поинтересовалась у меня начальница.

- У меня? – я горько рассмеялась. – А моего бывшего можно заносить в энциклопедию Оленизма. Он оказался редкостным парнокопытным, закончив все после первого свидания… – договорить я не смогла из-за набата сердца в ушах, потому что…

Дверь распахнулась. На пороге кабинета появился Завьялов.

Скользнув по мне скучающим взглядом, мой первый мужчина сосредоточился на моей собеседнице.

- Юлия … Владимировна, можно с вами переговорить? – короткий хриплый вопрос, от которого у меня по спине побежали мурашки, а внутри все так перемешалось, что даже больно было сделать вдох.

Бегло переведя взгляд на начальницу, я заметила, как вспыхнули ее щеки, прямо-таки почувствовав этот флер витающего между ними подавляемого эротического томления.

- Вера, спасибо за консультацию, – Смирнова мне подмигнула, явно намекая, чтобы я поскорее смылась.

Кивнув, я поднялась, и, не глядя на него, поспешила скрыться…

***

Откинувшись на спинку плетеного кресла, я наслаждалась запахом дымка от мангала.

Отец вернулся из командировки, и вечером вся наша семья собралась в саду, расположившись в просторной деревянной беседке, увитой багряными листьями дикого винограда.

В центре стола дымился уже прилично опустевший казан с пловом. Рядом – тарелка с нарезанными овощами: родители любили иногда готовить в две руки.

- Сеанс уже через полчаса, – сестра со своим парнем поднялись из-за стола, – Вер, ты точно с нами не поедешь? – Люба в молитвенном жесте сложила ладошки. – Опять будешь дома киснуть? Ну, поехали!

- Мы потом еще собирались заехать на разведку в новый бар. Go с нами! – поддержал мою близняшку Илья Безруков.

- У меня есть кое-какие дела, – в общем-то, даже не соврала я, планируя весь вечер готовить Завьялову заговор на мужское бессилие, едва сдержав коварный смех.

- Если передумаешь – пиши. Мам, пап, мы пошли! – Люба по очереди чмокнула нас с мамой в щеку.

- Нереально вкусный плов, – Илья с отцом обменялись рукопожатиями, после чего наши влюбленные голубки скрылись за живой изгородью.

- Позволь узнать, что это за дела такие? – внимательно по-

смотрел на меня папа, потирая щетину подбородка костяшками татуированных пальцев.

- Хочу еще поразмышлять над рабочим проектом, – я пожала плечами, выдерживая его вопросительный взгляд.

- Рабочий проект… М-м, – прозвучало больше, как утверждение и констатация факта, нежели вопрос. – Значит, это не шутка? Ты, правда, *вышла на работу*? – последние слова он произнес, явно подавляя улыбку.

Да, уж.

Спасибо, папочка.

- А что такого? – гордо вскидывая подбородок. – Мама открыла свою первую кофейню в моем возрасте! – отодвинув тарелку, я расправила плечи, – или ты сомневаешься в моих умственных способностях? – припечатала я, склонив голову в бок.

Отец хмыкнул, переводя взгляд на маму, застывшую около входа в беседку.

- Нисколько. Ты с детства была копией своей мамы. Несмотря на то, что в отличие от Любы всегда предпочитала оставаться в тени. Но в глазах те же отборные Сахаровские черти. Ни с какими другими не спутать, – добавил он задумчиво, как бы намекая, что мы с мамой добрейшей души … стервы.

- Ну, вот и не вставляй мне палки в колеса, пап. Мне нравится то, чем я занимаюсь…

- Милая, я последний человек, который будет вставлять

тебе палки в колеса, – уголки его губ разъехались в миролюбивой улыбке. – Неужели ты забыла мою позицию? Я всего лишь не понимаю, куда ты так спешишь? Вера, зачем тебе работать? Студенчество столь прекрасная пора. Ты бы могла больше времени посвящать себе: заниматься спортом, путешествовать… Ежедневные походы в офис – это, в некотором смысле, кабала.

- Артем, я уже договорилась со Смирновой – у Веры гибкий график. И, судя по тому, что писала мне Юлия, у твоей дочери все прекрасно получается. Настолько, что они с Завьяловым даже остановились на ее концепции позиционирования отеля. Представляешь? – мамины глаза вспыхнули.

- И почему я даже не удивлен? – максимально ровно озвучил он, совершенно по-звериному качнув головой. – Сговорились, стоило мне только уехать… – обманчиво-ласковым голосом.

- Может, тогда не надо так часто уезжать? – сухо бросила мама, слегка вскидывая подбородок и присаживаясь за стол.

Повисла пауза. Затягивающаяся. Странная.

Отец не спешил отвечать.

У меня под ребрами пробежался холодок от осознания, что такое, увы, в последнее время происходило довольно часто, и прогрессивно становилось только хуже.

- Пап, может тебе, правда, больше отдыхать? Чаще дома бывать?! – не выдержала я, глядя в бледное мамино лицо.

- Может лучше сразу на пенсию уйти? Будем с Левицким

часами резаться в домино и бухтеть на власть, – он сжал руку в кулак, в отчетливом напряжении глядя на меня.

- Вера, ему бесполезно говорить, – мама вздохнула, – на следующей неделе снова командировка. Можно пересчитать по пальцам одной руки, сколько раз я видела его дома после возвращения с Алтая…

- Дочь, хоть ты объясни своей матери, что все, что я делаю – я делаю ради нашей семьи, – процедил он, сквозь зубы. – Вот присмотрел для нашей Александры земельные угодья в Пензенской области. На сдачу Пенза и велосипед, чтобы она объезжала свои владения, – озвучил он, с нескрываемым сарказмом.

- Вот и сиди в своей Пензе, – холодно парировала мама.

Отец ответил ей замораживающим взглядом. Я знала этот его взгляд. Он смотрел так, когда был взбешен. По-настоящему взбешен… Похоже, они начали выяснять отношения еще до ужина.

У меня внутри все сжалось, потому что и мама сейчас выглядела ему под стать – складывалось впечатление, если бы не я, она бы уже надавала ему звонких увесистых лещей. Потому что, заслужил.

Вот что с ним происходило?

Мама молча поднялась из-за стола, покидая беседку.

Отец продолжал сидеть, умышленно опустив голову, чтобы я не смогла считать его эмоции. Не очень-то и хотелось…

Покачав головой, я отправилась в дом, быстро подняв-

шись в свою комнату.

Пыталась работать в планшете, чувствуя, как все у меня внутри спаивает дичайшим напряжением. Я до сих пор тяжело переносила конфликты родителей, не представляя, что со мной будет, если они…

Если вместо хеппи-энда у них все закончится хоррором?

А я с детства верила в хеппи-энды…

Знала ли я тогда…?

Поднявшись, чтобы положить планшет на подоконник, я ощутила внезапную слабость в ногах, наблюдая за тем, как мамин внедорожник лихо выворачивает с парковки перед нашим домой.

Она уехала.

А он?

Почему он до сих пор не поехал следом за ней?

Почему? Почему? Почему?!

Не хотелось думать, что их история любви перерастает в мрачный нуар.

Я горько вздохнула, падая на кровать, и только тогда мой взгляд зацепился за новую коробку, упакованную в стильную фольгированную бумагу.

Быстро разорвав ее, я подняла крышку, задумчиво разглядывая очередные шоколадные изыски. Со всеми этими передрягами, забыла уточнить у мамы, в честь чего персональные подарки…

Эх.

Не удержавшись, я засунула аппетитный трюфель в рот, а следом – еще один, с грустью глядя на соблазнительные дары.

Я вздрогнула, отвлекшись на вибрацию телефона.

Пришло сообщение от Юлии. Неожиданно для столь позднего часа…

- *Вера, выручай! Не могу определиться с нарядом для сегодняшнего свидания! И даже попросить помощи не у кого…* – *грустный смайл*.

А у меня закопошились мурашки вдоль спины, когда я увидела эти самые «варианты», окончательно упав духом.

- *Ну, какое платье посоветуешь надеть на ужин с мужчиной мечты? М?* *три смайла с горящими глазками*.

Поправка. С мужчиной МОЕЙ мечты.

Моей несбыточной мечты.

Ой, пардон, с парнокопытным козлом, который попользовался мной, и в считанные дни переключился на другую.

- Последний вариант, – набрала я, даже не досмотрев до конца, ибо меня чуть не вывернуло от ее сияющей физиономии.

Пальцы инстинктивно потянулись к новой конфете.

Я склонилась над чертежным столом, заваленным эскизами, образцами тканей и каталогами с отделочными материалами, задумчиво отпивая остывший кофе.

Настроение оставалось на уровне отметки «дно».

Мама так и не вернулась домой, заночевав в нашей город-

ской квартире, а отец не посчитал нужным привести жену обратно...

Днем я еще переписывалась с Полиной – ее мама так и лежала на сохранении, и подруга все это время сжирала себя чувством вины.

Левицкая считала, что, если бы они с Сашей не потерялись в горах, ничего бы этого не случилось. Разумеется, она и слышать не хотела, что все это – роковое стечение обстоятельств, и у меня не получилось ее переубедить…

Резюмируя все вышесказанное, я барахталась в своем затхлом болотце, когда пришло оповещение от начальницы.

- *Вера, загляни!*

- *Иду…*

Иду.

«Тряпка, ну-ка возьми себя в руки! Апостолова ты или поросячий хрен?» – наваляла я себе мысленно, после чего все-таки переступила порог кабинета начальницы.

Юлия сидела за своим столом, встречая меня блаженной улыбкой. Весь ее вид буквально транслировал, что их вчерашнее свидание прошло отлично.

- Присаживайся, пожалуйста. Я хотела посоветоваться с тобой насчет цветового профиля, – деловито начала она, протягивая мне несколько папок, на что я с трудом сдержала вздох облегчения – аллилуйя, не придется выслушивать подробности их лобызаний.

Следующие полчаса мы со Смирновой выбирали ткани

для обивки мебели в лобби, неплохо в этом преуспев, как вдруг Юлия смущенно потупила взгляд.

- Вер, кстати, ты была права…

- Э-м… в чем? – я заставила себя улыбнуться, не обращая внимания, как сдавило за грудиной.

- Ты сказала, что порой проскакивают такие искры… затушить которые нереально, – заключила Смирнова с абсолютным умиротворением. – И попала в яблочко… Давненько я не испытывала ничего подобного, – почти беззвучно добавила она, прикусывая губу.

Господи.

- К-х… – я кашлянула, – вы… вы целовались? – выпалила хрипло.

Замолчи! Замолчи! Не спрашивай!!!

Все в прошлом.

Он никогда и ни был твоим настоящим, дура!

Они даже чем-то похожи… Идеально подходят друг другу.

- Целовались, – озвучила Смирнова с придыханием. – Много. И знаешь…

По ее приторной интонации и стремительно краснеющим щекам не трудно было догадаться, о чем пойдет речь дальше… А может мне, правда, лучше об этом услышать, чтобы окончательно и бесповоротно распрощаться с иллюзиями?

Со своей наивной, глупой надеждой…

Расстрелять бы ее в первую очередь при отмене морато-

рия на смертную казнь.

Пиф-паф.

- Так что? – я болезненно улыбнулась, подыхая от ревности и обиды.

- Вроде все понимаю про эти «этикеты»… Чего не стоит делать на первых свиданиях… А он смотрит так, что у меня внутри все переворачивается… Вот что значит настоящий мужик! Я еще не имела дела с такими, – порывисто обнимая себя под грудью. – В следующий раз мы вряд ли сможем остановиться…

Чувствуя, как меня накрывает ледяными мурашками, прошелестела пересохшими губами…

- Вы собираетесь с ним…? – я гулко выдохнула, силясь не выдать себя содроганием.

- Знаешь, я полазила на форумах – многие пишут, что секс на третьем свидании – это нормальная практика, – будто оправдываясь, Смирнова пожала плечами.

- Да, нормальная практика, – согласилась я, с внутренним ощущением падения в смрадную темную бездну.

«Только никто нормально не практикует…» – чуть не вырвалось зло.

- Мы ведь взрослые люди… – распиналась начальница. – Думаю, нет смысла оттягивать неизбежное…

Неизбежное! О, как!

К счастью, нас прервала Люся, у которой случилось какое-то ЧП, и ей срочно понадобилась консультация Смирно-

вой, а я поскорее унесла оттуда ноги.

***

Вернувшись с работы, дом встретил меня оглушительной зловещей тишиной.

Пока я ехала в такси, выяснила, что мама вновь собиралась остаться в городской квартире, сославшись на раннюю встречу, а отец… он написал, что задержится допоздна.

Сестра со своим парнем ужинали у Безруковых. Люба предупредила, что вернется поздно…

Что ж…

Зато у меня все было стабильно – вечер в одиночестве под аккомпанемент стенающей души.

Быстро перекусив, я поднялась в свою спальню, щучкой завалившись на кровать. Так бы и пролежала до ночи, если бы не навязчивая мелодия рингтона мобильного.

Ну, кто там не дает мне спокойно пострадать?

Женя Завьялов.

- Привет, Верунь. Как твое ничего? М? «батарея подмигивающих смайликов»

- Нормально все. Чего тебе? – сама не знаю зачем, вступила в диалог я.

- Видел тебя мельком в универе – нужно запретить тебе носить такие джинсы! Я чуть в столб не врезался. Серьезно!

Жаль, что не врезался. Напечатала я, и удалила, вспом-

нив, что Женька вообще-то не виноват – не успев в очередь за интеллектом и субординацией, он с лихвой отхватил себе беспардонности и невежества. Эх.

- Верунь, я завтра вечером устраиваю дома вечеринку. Что-то вроде новоселья. Ты же заглянешь на огонек?

Вздохнув, я отбросила телефон в сторону, все еще надеясь, что Вселенная хоть где-то сжалится надо мной, и, при всех сопутствующих обстоятельствах, мне не придется коротать завтрашний вечер в доме у мужика, который, попользовавшись мной, моментально переключился на другую…

Наивная. Ага.

- Ну, и что ты обо всем этом думаешь? – наконец, расстроенно спросила у меня сестра.

Люба сидела напротив, обхватив чашку двумя ладонями.

Мы решили вместе пообедать перед тем, как я поеду в офис, и уже заканчивали трапезу, когда близняшка осмелилась поднять болезненную для нашей семьи тему.

- Не знаю. Мама делает вид, что ничего не происходит. Она что-нибудь тебе рассказывала? – пробормотала я, не поднимая взгляд от остывшего чая.

- Не-а, – Люба подавила вздох, – кстати… – она резко осеклась, вынуждая меня вновь посмотреть ей в лицо.

- Что?

Сестра поморщилась.

- Отец вернулся домой под утро… Я встала попить, и услышала, как хлопнула входная дверь. Неужели он… – в

глазах сестры улавливалась настоящая паника.

Не выдержав моего молчания, Люба озадаченно покачала головой.

- Думаю, нам лучше не вмешиваться. Сделаем только хуже… – с неоспоримой мудростью подвела итог она, и вновь за нашим столом повисло неуютное молчание.

Я не стала с ней спорить.

Мы уже рассчитывались, когда наши телефоны одновременно ожили сообщениями от Жени Завьялова с напоминаем о сегодняшней вечеринке.

- Так не охота идти, – пробухтела я, комментируя полученное оповещение.

- Ага, – кивнула близняшка. – Но Илья говорит, некрасиво постоянно его динамить. Все-таки новоселье… Можно заглянуть ненадолго. Давай мы заберем тебя после работы? – без особого энтузиазма предложила она.

- Ну, давай, – вдохнув, согласилась я.

***

Автомобиль Ильи с трудом вписался в ряд пафосных иномарок у внушительного кованого забора коттеджа Завьяловых.

Мама говорила, что они сняли дом в том же поселке, где обитали Вороновы и Левицкие.

Подъехав, мы услышали доносящиеся с территории звуки музыки и громкие голоса.

Было очевидно, что вечеринка по случаю новоселья имеет весьма внушительные масштабы. Собственно количество гостей, топчущихся на просторной ухоженной территории сада, подтвердило эту мою мысль.

Вскоре перед нами появился ни кто-нибудь, а сам виновник торжества – вернее, его величество.

Женя Завьялов встречал нас в костюме короля.

Хоспади. Свят, свят…

На нем был нелепый короткий бархатный камзол, обнажающий щиколотки в таких обтягивающих штанах, что они больше походили на лосины, слишком уж акцентируя внимание на его причинном месте.

А еще у Женьки на башке красовалась корона с кристаллами «Сваровски».

Открыв рот, я беспомощно посмотрела на сестру. Та лишь поджала губы, пытаясь скрыть смешок, который грозился превратиться в истерический хохот.

Хорошо, что на помощь нам пришел Илья.

- Здорово, Жень! Твои верные подданные почтили тебя своим присутствием, – ухмыльнулся он, раскинув руки в театральном жесте, тем самым подыгрывая придурочному королю.

Пять баллов за тонкий троллинг, которого Евгений, похоже, не почувствовал, замахнувшись в нашу сторону игрушечным скипетром.

- Женя, поздравляем с новосельем! – выдавила Люба,

протягивая ему сертификат в популярный магазин товаров для дома, все еще силясь не засмеяться. – Оригинальный г-м… образ.

- Статус обязывает, – Завьялов-младший поправил корону, съехавшую набок. – Ну, проходите-проходите! Заценили масштаб!? Батя снял самый большой дом в этом поселке! Тут у нас восемь спален, бассейн, спортзал на цоколе, а еще…

Большая часть его болтовни прошла мимо моих ушей.

После того, как «особа голубых кровей» откланялась, переключившись на других гостей, большинством из которых были всякие тухлые университетские мажоры и скандальные блогеры, мы с ребятами решили, что свалим из этого «королевства кривых зеркал» при первой же возможности.

К сожалению, переезд в Москву и новый статус их семьи слишком быстро вскружил Женьке голову, превратив некогда забавного открытого парня в недомажора с королевскими замашками.

Я не теряла надежду, что он все-таки одумается, и, наигравшись в богатея, отключит пафосный режим.

С этими мыслями я, устав от большого количества людей в гостиной, озираясь, поднялась по лестнице, пытаясь игнорировать странное веяние, тянущее меня вверх…

Каюсь, где-то на дне моей мазохистской душонки зародилось это пугающее желание заглянуть в *его* спальню…

Ну, хоть одним глазком посмотреть, где ночует Вадим За-

вьялов.

- У нас серьезные проблемы, принцесса, но у тебя все еще есть возможность отделаться малой кровью…

Значит, у нас проблемы. Так-так.

- Хьюстон, ты слышал? – усмехнулась я себе под нос, толкая одну из тяжелых дверей в конце коридора.

И сразу поняла, что попала в десятку, мысленно обратившись ко всевидящему Хьюстону Батьковичу, потому что проблемы, судя по всему, были в первую очередь у меня. Серьезные. С головой.

Иначе как объяснить, что вместо того, чтобы сбежать из этого дома, сверкая пятками, я имела неосторожность отыскать его комнату. Его спальню. Его святая святых.

Тихо прикрыв за собой дверь, я медленно осмотрела стильное помещение в приглушенных темных тонах, ни секунды не сомневаясь, что именно здесь базируется Вадим Мудакович.

И рада бы ошибиться, но запах…

Его проклятый сучий запах, казалось, отравил все.

- Боже, – судорожно выдохнув, я почувствовала, как начинает убойно тарабанить мое слабое сердце.

Прикрыв глаза, танцующей походкой я прошла вглубь Завьяловской опочивальни, мысленно воспроизводя в памяти нашу перебранку на конюшне… последовавшие за этим ласки… пикник… поцелуи… объятия… каждый свой оргазм, подаренный им.

Наконец, мой взгляд зацепился и замер над рабочей зоной. Над массивным темным деревянным столом, заваленным какими-то схемами и документами, переместившись к шкафу из темного дерева.

Я медленно провела пальцем по корешкам книг на полке: «Искусство войны», «О войне» Клаузевица, «Биографии великих полководцев», «Труды по стратегии и психологии конфликта». Далее шли сборники изречений Македонского, Наполеона, Суворова…

М-да.

Сама не знаю почему, но мне стало не по себе… Большинство книг в его домашней библиотеке повествовали об искусстве ведения войны, различных тактиках и стратегиях.

С другой стороны, какая мне разница?

Подойдя ближе к его кровати, я заметила на темном покрывале томик «Преступления и наказания». А вот это уже любопытно, потому что я тоже питала особую любовь к Достоевскому…

И все-таки перед сном он отдавал предпочтение классике.

Поддавшись странному болезненному порыву, я подалась вперед, взяв книгу в руки, но в этот момент вздрогнула от мелодии телефона, ожившего в сумке.

Звонила сестра.

- Вер, ты где? Мы с Ильей уже в машине, решили удрать… Поедешь с нами?

- Подождите меня! Я уже бегу… – бросив книгу обрат-

но на кровать, я еще раз напоследок внимательно осмотрела комнату Вадима, сглатывая склизкий ком, после чего понеслась обратно.

***

Люба с Ильей болтали, но я почти их не слышала, плутая в лабиринтах своих мыслей.

Вдруг мой взгляд машинально скользнул за окно, к белоснежному внедорожнику, только что въехавшему в поселок. Я сразу узнала автомобиль Завьялова.

Но ощущение острозаточенного клинка, ударившего под ребра, пронзило меня не от этого…

А от фигуры на пассажирском сиденье.

Юлия сидела, развернувшись к Вадиму. Пара о чем-то оживленно беседовала. Не обратив на нас никакого внимания, они проехали мимо.

***

Мой рабочий день начался с прекрасной новости – в семье Левицких произошло долгожданное пополнение – у дяди Паши с Марией родился третий сын.

Полина написала, что, несмотря на все сложности, операция прошла хорошо, малыш сам дышит.

Прослезившись, я никак не могла сосредоточиться на проекте лобби, поочередно отправляя поздравления всем членам их семьи, и улыбаясь как дурочка.

Но ровно до того момента, как к нам в кабинет не впорхнула Юлия, и по одному ее широко распахнутому счастливому взгляду мне стало все очевидно.

Поприветствовав начальницу вежливой улыбкой, я почувствовала, как в горле собирается горечь моих разбитых надежд.

Потому что теперь уже действительно все.

Конец.

Хеппи-энда не предвидится.

Не получится у меня закрыть глаза на его перепихон с другой, пусть даже мы и не состояли в официальных отношениях. И от осознания этого у меня внутри пронеслась крупная дрожь, будто нутро вывернули наружу.

Не сказать, чтобы я на что-то рассчитывала, просто те его слова показались мне сказанными не просто так… То, *как* они были сказаны, а главное, с *каким* выражением на дне мрачных бездонных глаз наводили на определенные мысли.

«Принцесса, я не смогу сделать тебя счастливой».

Меня – нет.

А ее значит *да*?

От широченной сытой улыбки Смирновой все у меня внутри поджаривалось, осыпаясь удушливым пеплом.

Внезапно Юлия мне подмигнула. По-свойски так. Со значением.

И это краткое, понятное только нам двоим движение – сейчас ощущалось, как вспышка молнии или раскат грома.

Мое тело будто утратило свою подвижность.

Вот все и произошло.

У них случилась близость.

Опустив взгляд, я почувствовала, как меня накрывает эмоциями…

***

Последние сутки превратились для меня в какое-то смазанное, невнятное пятно.

Я в буквальном смысле делала все на автомате: училась, работала, старательно подавляя нарастающую внутреннюю бурю.

Из-за всех этих душевных метаний я и забыла о дне рождении Андрея Абрамова. Наши семьи давно дружили, а у отцов время от времени случались бизнес-проекты. И, тем не менее, никуда идти не хотелось.

Я бы придумала какую-то отговорку, если бы не мама, которая попросила меня присоединиться к ним с отцом. Догадывалась, что она просто не хочет оставаться с ним наедине…

Не сказать, что мне хотелось выступать чем-то вроде амортизатора, но, пораскинув мозгами, я пришла к выводу, что, возможно, сегодняшний вечер положит начало родительскому примирению…

И начиналось все действительно неплохо.

Правда, мы немного опоздали, попав в пробку на садовом

кольце, поэтому приехали на праздник, когда большинство гостей уже собрались.

Маму с отцом чета Абрамовых моментально утянула в гущу событий, усадив их за одним из центральных столов, а вот мне удалось улизнуть под предлогом похода «припудрить носик».

Только, увы, до уборной я так и не дошла…

Виной тому стала парочка, застигнутая мной с поличным.

Пусть я и застукала их со спины, сомнений быть не могло – Вадим и Юлия, озираясь, прошмыгнули в один из темных коридоров Абрамовского особняка, очевидно, чтобы справить внезапно застигшую их нужду.

Меня порвало.

Трудно передать все, что я почувствовала в тот момент.

Это была какая-то запредельная обида, бешеная ревность и опоясывающая тело, острая боль… от осознания собственной наивности и ничтожности.

И только когда их спины окончательно скрылись из вида, я осознала, как сильно дрожу…

Согреться. Мне необходимо было согреться, ибо под кожей набирал обороты натуральный ледяной смерч, вымораживая из меня все живые эмоции.

Поспешив вернуться в главный зал, я повернула голову в поисках официанта с напитками, и в этот момент увидела Женьку.

Вернее, он заприметил меня. Это стало очевидно по фир-

менной «самцовой» улыбочке, промелькнувшей в уголках его губ.

Слава богам, Завьялов-младший хоть сегодня обошелся без своего «королевского одеяния», облачившись в серый костюм люксового бренда, пиджак которого топорщился на его плечах.

Я едва удержалась от закатывания глаз, заметив, что Женькины волосы, зализанные гелем, уложены в жесткий неестественный гребень. Так и хотелось слепить из них хохолок, хорошенько за него дернув…

- Верунь, – сократив расстояние, обратился ко мне парень, многозначительно поигрывая бровями.

- Давно не виделись, – холодно буркнула я.

В этот момент рядом с нами остановился официант с подносом, заставленным напитками, и я, не раздумывая, схватила сразу два бокала с шампанским, залпом опустошая один из них.

Женька последовал моему примеру: вскоре мы поставили пустые бокалы на один из столиков около стены, сосредоточившись на полных.

- Ты как всегда великолепна! – озвучил он, стрельнув в меня сальным взглядом, и пригубил большой глоток. – Настоящий цветочек… Только знаешь, – парень подался вперед, понизив голос до карикатурного шепота, – даже самые прекрасные цветы требуют внимания и ухода… – хмыкнул он, явно упиваясь этим чересчур пафосным комплиментом.

Игнорируя сею похвалу, я сосредоточилась на пении оперной дивы на импровизированной сцене, надеясь, что этот «банный лист» прицепится к другому «цветочку», однако Завьялов, с видом ценителя, зашелся оглушительными овациями после того, как певица окончила петь.

Я все-таки закатила глаза, и, допив второй бокал, оставила его на столе, направляясь в сторону лоджии, откуда можно было выйти в сад.

За грудиной болезненно саднило, хотелось вдохнуть полной грудью…

Дышать. Просто дышать.

Шум вечеринки остался где-то позади, когда я, задыхаясь, прислонилась к прохладной кирпичной стене, отгораживающей сад от главного здания. Благо, сегодня был погожий вечер, слишком теплый для середины сентября.

Зажмурившись, я попыталась вытравить из памяти омерзительный поступок Вадима. Оприходовать свою зазнобу прямо во время праздника… Это так…

- Так и знал, что ты захочешь уединиться… – вздрогнув, я распахнула глаза, увидев перед собой Женьку.

Он стоял слишком близко, перекрывая собой путь к отступлению.

Я попыталась сделать шаг в сторону, но незваный гость мгновенно преградил мне дорогу, упершись ладонью в стену рядом с моей головой.

- Отстань, Жень. Я хочу побыть одна.

- Да брось, Верунь, – он наклонился ближе. – Я же знаю, ты хочешь не этого… Просто стесняешься признаться, – горячее мужское дыхание с примесью алкоголя коснулось моего лица.

Я непроизвольно поморщилась.

- Дай пройти! – произнесла я твердо.

- А что мне за это будет? – прошептал Женя почти мне в губы, бегло скользнув по моей фигуре окосевшими глазами. – Может, поцелуй на прощание? М?

В этот момент я уже открыла рот, чтобы перейти на великий и могучий … русский мат, как вдруг в нескольких метрах от нас увидела Вадима Завьялова.

Лицо моего первого мужчины, освещенное лунным светом, показалось мне неестественно бледным. Похоже, он отдал все силушки богатырские, чтобы удовлетворить свою мадам. Уработался, блин…

Я почувствовала, как учащенно забилось сердце, преступно упустив момент, когда рука его сына потянулась к моей шее, сжав ее своей культяпкой, а спустя миг на мой рот опустились его губы…

Какая-то легковерная и недалекая часть меня наивно надеялась, что Вадим не позволит нам с Женькой поцеловаться. Что в нем взыграет ревность, чувство собственничества или все вместе.

Однако ничего подобного не произошло.

Мужчина исчез так же быстро, как и появился, тем са-

мым давая нашим отношениям с его сыном Евгением зеленый свет.

Он. Просто. Ушел.

Мудак папенька отчалил.

А мудак сыночек остался.

И я едва сдерживалась, чтобы не взорваться. Чтобы не высказать этим двоим все, что я думаю об их мудацкой семейке. У меня внутри каждый долбанный нерв трещал, будто организм активировал режим самоуничтожения…

Женька попытался протолкнуть язык мне в рот, и на этом моменте меня будто разморозили…

Отвесив придурку хлесткую размашистую пощечину, которую он явно не ожидал, отшатнувшись, горе-ухажер вылупил глазенки.

- Верунь, ты чего? – заблеял сыночка-корзиночка, когда я со всей дури толкнула его кулаками в грудь, поспешив наутек между одинаковыми ухоженными деревьями, только бы поскорее унести отсюда ноги…

Несколько недель спустя

На кухне нашей городской квартиры пахло спелыми яблоками.

- С пылу, с жару, – улыбнулась мама, ставя передо мной фарфоровую тарелку с пирогом: ее улыбка доходила только до уголков губ, не добираясь до усталых глаз.

Пока отец находился в отъезде, мама жила с нами, но па-

ру дней назад он вернулся, и ситуация, похоже, обострилась. Мама вчера снова не ночевала дома. А еще, когда она нервничала, всегда что-то пекла…

- Спасибо, но я еще не успела проголодаться, – призналась я, поднося кружку из своего любимого чайного сервиза к губам.

На самом деле, в последнее время у меня регулярно наблюдались проблемы с аппетитом, и вообще настроение оставляло желать лучшего.

К слову, наша история с Вадимом Завьяловым полностью сошла на нет.

С того вечера у Абрамовых я видела его в офисе буквально пару раз. И то мельком.

Обнадеживало, что Смирнова прекратила видеть во мне гуру плотских утех, сведя наши неловкие откровения к минимуму, хоть я и не сомневалась – у моей начальницы было все на мази с «Мужчиной ее мечты».

Наверное, правильнее было бы уволиться и исчезнуть со всех радаров, но, когда я поступала правильно?

В глубине души эта работа была для меня чем-то вроде вызова самой себе. Вызова *ему*. Пусть знает, что мне тоже плевать.

Тем более, мне нравилось то, чем я занималась. У меня неплохо получалось, и я довольно быстро влилась в коллектив, почти со всеми поладив.

- Ну, как хочешь, – мама уселась напротив, тоже не при-

тронувшись к выпечке.

- Мам, что у вас происходит? – не выдержав, глухо спросила я.

Она мрачно усмехнулась.

- Сама не знаю. Во время отдыха все было хорошо, а потом твоего отца как подменили…

- Но он ведь должен был как-то тебе это объяснить?

- В этом-то вся и загвоздка. Он ничего толком не говорит… Все какими-то загадками… И это наталкивает на отнюдь не радужные мысли, – она сделала глубокий вздох, уводя взгляд за окно, в то время как я покосилась на дисплей.

- Кстати, уже пора выдвигаться на показ Вороновой! Полина вчера рассказала, что Алина очень волнуется. Нужно обязательно ее поддержать.

Мама замерла, потерянным взглядом уставившись в стену за моей спиной.

- Вера, я не пойду. Купи красивый букет и извинись за меня перед Алиной. Придумай что-нибудь. Ладно? – медленно, с нечеловеческим усилием выдавливая из себя улыбку.

- Почему? – потрясенно выдохнула я, памятуя, что мы никогда не пропускали показы Вороновой.

Алина много раз дарила нам с мамой и сестрой свои платья. Кажется, половина нашего гардероба состояла из ее шикарных нарядов.

- Это… особенный показ, – в глазах мамочки появилась такая бездонная печаль, что у меня перехватило дыхание.

- Особенный?

- Ага. Для будущих мам. Коллекция для беременных, – пару секунд она помолчала, – у Вороновых скоро будет пополнение.

- Ого, – только и смогла произнести я, придавленная резким болезненным осознанием причины, по которой моя мама не хочет идти на показ своей близкой подруги.

- Да, они молодцы. За третьим пошли. Алина очень хочет дочку, – едва слышно добавила она. – Купите с Любой красивый букет цветов. Хорошо?

Не произнося больше ни слова, я протянула руку через стол и коснулась ее ледяных дрожащих пальцев.

***

До показа Вороновой оставалось еще немного времени, поэтому, приехав пораньше, я присоединилась к коллегам, и мы успели даже провести пару мозговых штурмов.

Однако, получив сообщение от Полины Левицкой, я со всеми попрощалась, собираясь спуститься к друзьям на первый этаж, однако в последний момент тормознулась около туалета.

… Я уже намеревалась толкнуть дверь кабинки, но меня внезапно парализовал язвительный женский голос.

- Наша стажерка даже на модное мероприятие пришла в каком-то нафталине!

Сглотнув, я услышала гундосное хихиканье Ольги.

Похоже, они обсуждали меня.

Как неловко-то…

- Кринж при таких бабках ходить в старье! – вторил ей высокомерный голос Катерины. – Видела, какая у нее сумка?

Я на автомате покосилась на свой любимый черный клатч, пытаясь понять, чем он им так не угодил? Вроде добротная классика…

- Та коллекция вышла лет пять назад. Неужели батя-гендир не может подогнать своей любимой дочурке что-то из люксовых новинок? – недоумевала Ольга.

- Видимо, все на любовниц уходит! – хохотнула вторая.

На любовниц.

Чего?

Я будто приросла к месту, ощущая как мои внутренности, превращаясь в кипяток, стекают куда-то к ногам.

- Поговаривают, он уже давно не живет со своей женой, – непроизвольно подаваясь вперед, – И у него молодая любовница…

Молодая любовница. Господи.

- Правда? Хотя я ничуть не удивлена… – со знанием дела произнесла рыжая. – Такой видный мужик! Я бы с ним зажгла…

- Он неплох, да. Но я все-таки сделала ставку на другого... Сегодня во время мероприятия… – она понизила голос, и я не смогла расслышать ее последние слова.

- Ты купила? Да?! – явно оживилась Ольга.

- Ага. Вбухала всю получку. Пойду ва-банк. Главное улучить момент, когда он останется в одиночестве… – опасный смех. – Но я все продумала, – пауза. – Пойдем уже! Скоро показ начнется!

С трудом сдержав вздох разочарования, я услышала, как хлопнула дверь.

О чем это они? Что она собирается сделать во время мероприятия?! Хотя, какая мне разница, что за козни строят эти лицемерные сплетницы…

Уверена, в их словах не было ни толики правды. Я в этом даже не сомневалась.

Сбрызнув пылающие щеки ледяной водой, я спустилась вниз, разочарованно обнаружив, что показ уже начался, и все взгляды присутствующих прикованы к моделям на импровизированном подиуме. К сожалению, я никак не могла сосредоточиться на происходящем на сцене…

В голове, будто на повторе проигрывалось:

Видимо, все на любовниц уходит…

Нет, отец бы никак так не поступил…

У него молодая любовница…

Я просто отказывалась в это верить.

Внезапно свет в зале погас, и заиграла композиция «Мама – ты ангел-хранитель мой».

На подиум вышла процессия из беременных женщин разных возрастов, которые демонстрировали стильные образы для женщин, находящихся в положении.

После того, как беременные дамы, под оглушительные овации покинули сцену, к гостям вышли Алина с дядей Кириллом, и я не смогла сдержать краткой улыбки, обратив внимание на небольшой аккуратный животик Вороновой.

Она буквально светилась от счастья.

В этот миг я почувствовала, как в моей «нафталиновой» сумке завибрировал телефон. Вытащив его, я увидела сообщение от моего ангела-хранителя.

Мамочка: *дочка, отец на показе?*

Сглотнув нехорошее предчувствие, я заскользила беглым взглядом по лицам присутствующих, так и не отыскав среди них моего отца.

Еще раз, медленно обведя разношерстную публику глазами, я также не увидела и Смирновой, хотя та говорила, что точно будет.

А если…

Да не может быть…

Мамочка: *ну что?*

Стараясь отогнать из головы какие-то уж совсем сюрреалистичные образы, я напечатала.

- Да, он здесь. А где ему еще быть?

Мама: *не знаю. Он не отвечает.*

Почувствовав жар за грудиной, я поспешила к служебной лестнице, решив, что, возможно, отец в своем старом офисе.

Несколько лет назад они с дядей Кириллом перебазировались в новое здание в Москва-сити, а в старом, здесь, на

Патриках, хранились всякие документы.

Поднимаясь, мое сердце колотилось о ребра с такой силой, что, казалось, его было слышно на весь пустынный коридор. По спине курсировали огромные мурашки. Остаток пути я преодолела на цыпочках, подойдя к двери вплотную.

Заметив тонкую полоску света, я медленно заглянула внутрь, шокировано прикусывая губу…

***

Мой взгляд метнулся по помещению, и мир сузился до одного человека, стоящего ко мне спиной во мраке просторного кабинета.

Высокий мужской силуэт в черной приталенной рубашке, идеально сидящей на широких плечах.

Он упирался ладонями в столешницу, наклонившись вперед…

Сердце, до этого бешено колотившееся, вдруг замерло, превратившись в глыбу льда. В первую секунду мне действительно показалось, что это мой отец, а перед ним…

Господи, Вера!

Я едва ли сдержала вздох облегчения, когда увидела отражающееся в темном окне лицо Вадима Завьялова. И тут бы мне убраться восвояси, но затуманенный ужасом мозг вдруг начал выхватывать странные детали.

Его поза. Она показалась мне неестественной. Ладони были сжаты в побелевшие от напряжения кулаки, а сам мужчи-

на продолжал стоять, согнувшись в три погибели, и тяжело свистяще дыша.

Кашлянув, я сделала несмелый шаг, переступив порог кабинета.

- Прошу прощения… – произнесла я, натянутым словно струна голосом, – с тобой все в порядке? – не сказать, что мне было до этого дело, но и оставить Мудаковича помирать воспитание не позволяло.

Завьялов медленно обернулся, и, чуть покачнувшись, облокотился бедром о стол.

- Вера, – его голос прозвучал негромко и как-то рассыпчато … странно, – лучше иди, – мой первый мужчина невесело усмехнулся, костяшками протирая взмокший лоб.

С ним явно было что-то не так.

Может, резко давление подскочило? Или, наоборот, упало? Какой-нибудь криз долбанул… Что там обычно происходит с мужиками под сорок? Ха!

Шутки шутками, но выглядел Вадим действительно неважно, попеременно судорожно вдыхая и выдыхая сквозь стиснутые зубы.

При этом он наблюдал за мной опасно темнеющим взглядом.

В его увеличивающихся зрачках улавливалась животная, неконтролируемая борьба. Он слегка тряхнул головой, будто пытается отогнать от себя наваждение.

- Тебе точно не нужна помощь? – едва слышным шепотом,

сильнее обжигаясь о пристальный мужской взгляд.

В этот миг я заметила полупустой бокал, и только тогда до меня дошло – Завьялов пьян. В дрова. Отсюда и эта странная дезориентация. Наверное, поэтому он и ушел, чтобы не светиться в столь неподобающем виде…

Тогда почему Завьялов выбрал укрытием отцовский офис? Почему не поднялся к себе?

Пусть папа уже давно не работал в этом здании, но, насколько мне было известно, он всегда очень трепетно относился к своему старому рабочему месту, как-то признавшись, что именно здесь началась их с мамой история…

- Малышка, уходи, – обманчиво мягко попросил Вадим, сглотнув с очевидным усилием.

- Только вместе с тобой, – вытолкнула я сухо. – Так напился, что перепутал офисы? – делая несколько размашистых шагов вперед и замирая перед огромным панорамным окном, неожиданно испытав чувство дежавю.

В детстве мы с сестрой много раз приезжали к отцу на работу, а уходя, оставляли за собой полный хаос. Папа спускал нам все с рук. Даже не верится, что уже столько лет прошло…

И снова этот кабинет. И окна, выходящие на парковку. Подъехавший тонированный седан, из которого выпорхнула парочка…

Яркая блондинка в кремовом пальто, сжимая букет цветов, прильнула к высокому импозантному шатену в сером

костюме. Они о чем-то оживленно беседовали, улыбаясь и энергично жестикулируя.

- Вера, тебе лучше уйти, – очень тихо, почти шепотом. – Я тебе позже все объясню…

- Не стоит утруждаться. Ты для меня слишком стар и немощен. Да и учитывая ваши отношения со Смирновой… – я сосредоточила рассеянный взгляд на блондинке и ее спутнике, направляющимся ко входу в здание.

- Отношения со Смирновой? – негромко рассмеялся он. – Я не смешиваю личную жизнь с бизнесом. Проще говоря, не трахаюсь на работе, – добавил с эхом насмешки и такой сучьей двусмысленностью, что я вздрогнула от резко накатившего, неуместного чувства, стягивающего низ живота.

Сглотнула. Дрожь по телу…

И мир, который секунду назад трещал по швам, вдруг замер и с оглушительным щелчком встал на место, потому что я узнала в блондинке внизу свою начальницу Юлию Смирнову.

А рядом с ней был…

Не мой отец.

Слава Всевышнему!

Я понятия не имела, кто этот мужчина, но, к счастью, он даже отдаленно не был похож на папу.

В моей «нафталиновой» сумке вновь ожил мобильный. Ожидая увидеть очередное сообщение от мамы, я вытащила телефон, быстро прочитав.

- Вера, я перепутала время показа! Уже все заканчивается… Ты где? Не вижу среди гостей… – прилетело от Смирновой.

Я собиралась набрать, что спускаюсь, однако в этот момент поблизости послышалось бодрое цоканье каблучков, а уже в следующий миг на пороге офиса появилась моя коллега Катерина – одна из двух змей, сплетничающих в туалете…

- Вадим Михайлович, – елейно улыбаясь, с хищным блеском в глазах, зачастила эта стерва, – прошу прощения, что отрываю вас… – она кашлянула в кулачок. – Мне срочно нужна ваша подпись по чертежам нового проекта! – кивая на пухлую папку у себя в руках. – Подмахнете? – моя коллега сделала шаг вглубь кабинета.

Что-то дрогнуло в безупречной маске ее лица, стоило нашим взглядам столкнуться.

***

Коллега явно не ожидала меня здесь увидеть. Приторная улыбка на ее губах превратилась в напряженную тонкую линию, пока я пыталась вспомнить, о чем они шушукались.

После сплетен про моего отца все остальное как-то отошло на второй план.

Кажется, эта девица говорила, что собирается идти ва-банк?

Окинув Катерину беглым взглядом, я моментально нашла подтверждение ее недавним словам – наряд девушки – чер-

ное кружевное платье с глубоким декольте – так и сигнализировал об определенных намерениях моей коллеги, буквально надрывая связки в истошном призыве «Снять его» (наряд), ну или ее (Катерину).

- Подпись? – незнакомо глухим, сдавленным голосом поинтересовался Завьялов, вопросительно приподняв бровь.

- Ну, да. Подмахнете? – уже не так бойко и задорно повторила наша коллега. – А то подрядчик оборвал мне весь телефон. Он пообещал приехать, так что лучше не терять время… – Катюша вновь посмотрела на меня, с трудом скрывая недовольство, потому что, о ужас, я не спешила отчаливать, открывая ей дорогу к «берегам любви».

Даже не собиралась. Чисто из принципа. Ей назло. Лихорадочно пытаясь сообразить, что происходит. Почему Завьялов решил прибухнуть в одиночестве? И как эта стерва узнала его местонахождение?

С ускоренно бьющимся сердцем я неотрывно следила за разворачивающейся передо мной картиной, пытаясь уловить какое-то недостающее звено.

Я явно упускала что-то из виду...

- Катерина Станиславовна, рабочий день подошел к своему логическому завершению. Завтра утром зайдите ко мне в кабинет, – с четко прозвучавшей интонацией, что его терпению подходит конец.

- Но… может быть…

Сминая эту идиотку раздраженным взглядом, Вадим рас-

правил плечи, сжимая челюсть с такой силой, что она побелела. Завьялов медленно покачал головой, однозначно давая понять – разговор окончен.

Тогда эта дрянь метнула в меня убийственный взгляд, явно мысленно окрестив виновницей своего любовного краха.

Хотя, собственно, на что она рассчитывала?

Что Завьялов, даже будучи в прилично окосевшем состоянии, вот так сходу на нее набросится? Серьезно? Раз он даже не соблазнился Смирновой, с которой работал двадцать четыре на семь…

- До завтра! – проблеяла наша коллега, поспешно закрывая дверь.

На краткий миг в помещении повисла мертвая тишина, вскоре прерванная его хриплым приказом.

- Вера, ты тоже на выход.

Я посмотрела в карие глаза моего первого мужчины, почувствовав расходящееся от него волнами едва сдерживаемое нехорошее веяние. Язык тела Вадима шел вразрез с тем, что он говорил… Абсолютно.

В его подернутых искрами порока глазах разгоралось дьявольское пламя. Он смотрел на меня в упор, по животному ведя носом, будто в нем обострились все звериные инстинкты. Я чувствовала его дикую, необузданную энергетику.

- Живо! – зажмуриваясь, хрустнул сжатыми в кулак костяшками.

- С чего ради? Это не твой кабинет! – холодно отчеканила

я, выражая максимальное презрение к его словам. – И ты так и не объяснил, что здесь забыл? М? – я склонила голову, прицокнув языком.

Вадим смотрел в мою сторону, неотрывно, не моргая, будто всеми фибрами своей таинственной души вбирает в себя мой образ. Его глаза напитывались чем-то демоническим. Нечитаемым. Страшным. Отталкивающим и… Манящим.

- Ты сможешь задать все свои вопросы завтра. Обещаю, – негромко, с этой пугающей хрипотцой, озвучил он, – а теперь *уходи*… – глубокие карие глаза мужчины были крайне серьезны, мне даже почудилась в них мольба.

Хмыкнув, я развернулась, изображая, что слишком увлечена видом города, утопающего в закатном мареве.

Ему надо, пусть сам и уходит. Верно? А я мысленно сделала себе пометку рассказать об этом несанкционированном визите Завьялова своему отцу. Ну, мало ли…

Вадим мрачно рассмеялся, и по офису разнесся звук глухих приближающихся шагов.

Мое сердце, до этого болезненно сорвавшееся в галоп, вдруг замерло, когда я увидела крепкий мужской силуэт в отражении стекла.

Шаг за шагом, Завьялов неторопливо сократил расстояние, встав прямо за моей спиной. Близко. Опасно близко.

Потому что теперь я могла чувствовать его сумасводящий запах. Жутко. Стыдно. Горько признавать… Но от контакта с ним мое тело все еще разбивала крупная неконтролируемая

дрожь. Это вообще нормально?

- Сладкая, я больше не могу сопротивляться, – и глаза в глаза в окне.

Прошибло. Пробрало до кончиков пальцев рук. Он смотрел на меня так, что душа разлеталась в клочья… Я просто не могла поверить в то, что услышала… И в то, что до сих пор испытывала к этому противоречивому мужчине.

- Не можешь? Отчего же? – сипло пробормотала я, почувствовав, как он прижимается практически вплотную.

И охнула.

- Всегда встает на тебя с первых секунд, – чуть склоняя голову в отражении, Вадим коснулся моих распущенных волос, перекидывая их мне за плечо, открывая себе больше доступа к шее, и шумно ведя по покрытой мурашками коже носом.

- Но при этом тебя совершенно не смутили мои поцелуи с Женей, – намеренно наделяя имя его сына более ласковой интонацией.

- Поцелуй, – моментально поправил он, слегка натягивая мои волосы у корней и медленно увеличивая нажим.

- Не суть, – прошептала я, под грохочущий в висках адреналин, дурея от его близости, и этих умелых на грани удовольствия и боли прикосновений.

- Ну, почему же… – Завьялов рывком потянул меня на себя, так, что я ударилась о его каменную грудь. – Не задумывалась, почему он так резко оборвал с тобой общение? –

горячие пальцы скользнули от моих плеч до предплечий… ниже… жестко сжимая запястья.

Женька правда потерялся после того недопоцелуя у Абрамовых.

Только я связывала это с его ветреной натурой, наконец, переставшей тешить себя ложными иллюзиями, и уж никак с вмешательством папеньки.

- И что это значит? – борясь с накатывающими мощнейшими болезненными ощущениями в низу живота, провоцируемыми прижатой к моему телу крепкой эрекцией, – болезненными, потому что им (ощущениям) вдруг отчаянно понадобился выход…

- Это значит, – перехватив меня за кисти, Вадим заставил меня прижаться ладонями к прохладному стеклу, придавливая своим телом, – что мой… сын тебя больше не побеспокоит…

- А если…

- Исключено, – бархатно пророкотал около моего уха. – А теперь иди, принцесса… – глубокий вдох, – а лучше беги… – сиплый прерывистый выдох, – иначе я просто ебнусь, Вера, – накрывая мои ладони на стекле, порывисто их сжал, вдавливаясь пахом мне в ягодицы.

Идти? А я не могла идти, ведь он держал меня слишком крепко… будто вручая эту иллюзорную возможность улизнуть, а на деле уже определив дальнейший исход.

Мне лучше бы держаться подальше. Но я не смогла.

Внутренне млея, я вновь посмотрела на расплывчатое отражение Вадима в стекле, глядящего на меня незнакомым звериным взглядом, вздрогнув от возникшего в сознании образа могущественного и коварного демона за моей спиной.

С расцветающими похотью глазами в этой черной рубашке с рукавами, закатанными до локтей, Завьялов напоминал Белиала – архетипа абсолютного зла. Он будто стал символом того беззакония, которое сейчас происходило между нами, опутывая меня своими мрачными тенями…

И мое собственное отражение, с раскрасневшимися щеками, уже готово было раствориться в этом мраке… так отчаянно тянувшись к нему.

- Девочка, я не шучу, – он хрипло рассмеялся, утыкаясь подбородком мне в макушку, судорожно втягивая запах моих волос. – Если ты сейчас не уйдешь, то я буду тебя трахать. И ничего уже не переиграть. Не отпущу. Не смогу. Поэтому просто попроси меня этого не делать, – громко, жадно выдыхая. – Одно твое слово, Принцесса… Попроси меня, бл*дь…

Из горла вырвался хриплый возглас, когда я дернулась назад, а он одновременно вперед. Вадим прижался ко мне еще плотнее, буквально втискиваясь между ягодицами своей подрагивающей мощной эрекцией.

Его руки с моих ладоней переместились мне под грудь: собственнически, озверело сжимая, стискивая, до хруста, до онемения, как бы поясняя, что он вот ни черта не шутил… Ни капельки. И ситуация у нас аховая.

Опустив взгляд вниз, я заметила обнажившийся край резинки чулок, вдруг вспомнив, как Большой босс отреагировал на эту пикантную деталь моего гардероба, когда мы застряли в лифте…

Секунда на принятие решения.

Поддавшись низменному порыву, шедшему вразрез с инстинктом самосохранения, я потянулась пальцами к ажурной ленте, закрепленной на моем бедре, зачем-то привлекая к этому жесту внимание Вадима.

Намеренно провоцируя. Информируя его о том, как сильно я люблю надевать чулки под свои скромные глухие платья…

Секундная заминка, по которой я поняла – он заметил.

А потом будто что-то затрещало в воздухе. Последние остатки его контроля. Те самые, что держались на честном слове, лопнули с тихим, почти слышным треском.

- Ах ты, маленькая… – его голос, в котором осталась лишь обнаженная, животная жажда сорвался.

Горячая пятерня, до этого лежавшая на моей талии, с силой, от которой у меня перехватило дыхание, впилась мне в запястье и, резко отдернув мою руку, заменила ее.

Ногу свело судорогой, я буквально чувствовала, как внутри затряслись все поджилки, не удержав свистящего вдоха от его полоснувшего по мне прикосновения.

Вадим едва слышно хмыкнул.

- Ты, пиздец, какая распрекрасная, Вера Апостолова.

Своенравная, гордая, острая на язычок, красивая… – его пальцы грубо легли мне на бедро, вцепляясь в ажурную резинку, сжимая, впиваясь в нежную кожу под ней. – А когда возбуждена – от тебя невозможно отвести взгляд… Хочется делать тебе так хорошо, насколько это вообще возможно…

Его пальцы не остановились на резинке, с гипнотической нежностью последовав дальше, под подол платья.

Загрубевшие подушечки едва касались кожи внутренней стороны моего бедра, поднимаясь все выше… Каждое прикосновение Вадима было подобно крошечной вспышке, рассыпающей искры по нервным окончаниям, будто поджигая их.

Я задержала дыхание, все мое существо сосредоточилось на этом неотвратимом продвижении, понимая, что «моя песенка спета», как бы ни прискорбно это осознавать.

Наконец, его указательный палец нашел край тончайшего шелка моих трусиков и на мгновение замер, а потом… Легким, почти неуловимым движением он поддел пальцем эластичную ткань, скользнув под нее…

Большой босс коснулся меня там, легонько сжимая.

Боль, острая и сладкая, пронзила ватное тело насквозь, и я закусила губу, потому что кожа между моих ног была мокрой.

Совершенно.

Мое нижнее белье намокло всего от нескольких прикосновений, а невыносимо горячая тяжесть буравчиком разры-

вала низ живота. Я едва могла стоять, пришибленная этим наваждением.

- Последний раз спрашиваю, сладкая…

Мысли в голове распадались, сгорая от раздрая в объятом пламенем теле. Так и не дождавшись возражений, пальцы Вадима начали двигаться у меня между ног.

От его прикосновений во мне пробежала горячая судорожная волна, тихий, сдавленный стон сорвался с дрожащих губ.

Я непроизвольно сомкнула бедра, поймав его руку, чтобы увеличить давление…

- Жестко хочу тебя, принцесса, – его голос прозвучал низко и гортанно.

Напускная нежность внезапно сменилась животной, нестерпимой жаждой. Тот факт, что я была так очевидно готова для него, похоже, оторвал чеку.

Рука Большого босса напряглась, пальцы вцепились в хрупкий шелк, и раздался короткий, резкий звук рвущейся ткани. Недолго думая, Завьялов убрал мои испорченные трусики себе в карман. Ох…

Но прежде, чем я успела что-либо сказать, его сильные руки уже обхватили меня. Одна – крепко под ягодицами, другая – за спину. Он подхватил меня на руки, прижимая к своей груди.

Мир закружился, поплыл, задрожал и я инстинктивно обвила его шею руками, чувствуя, как бешено стучит его серд-

це в такт моему…

Завьялов уложил меня на полированную поверхность стола…

Его обжигающий взгляд не отрывался от меня ни на секунду. Мужчина настойчиво развел мои ноги, встав между ними. Его горячие, теплые ладони скользнули вниз, по моим бедрам, пока большие пальцы не уперлись в ажурные резинки чулок.

Краткий смешок.

Одна рука Вадима легла мне на низ живота, мягко прижимая, удерживая на месте, в то время как большой палец другой руки нашел ту самую чувствительную, разбухшую точку и начал водить по ней быстрыми, пьянящими кругами.

Его дыхание участилось. Губы пересохли. Болезненная улыбка сменилась на звериный оскал. Жуткий. Мрачный. Будто какая-то неведомая сила разрывала мужчину изнутри. Было видно, как он напряжен, будто каждый мускул налит сталью.

Он больше не мог ждать, натурально подыхая от жажды…

Пальцы Завьялова, еще влажные от моей смазки, дрогнули у пряжки ремня. Его тяжелый, полный неконтролируемой жажды взгляд не отрывался от моего лица, ловя каждую мимолетную эмоцию.

Прозвучал резкий, металлический шелест разъединяющейся молнии.

Вадим приспустил брюки и боксеры, и его внушительное

каменное достоинство уперлось в мою обнаженную влажную плоть.

Он не готовил меня больше, не было никаких ласк.

Руки Завьялова вцепились в мои бедра чуть выше ажурных резинок чулок, пальцы впились в кожу, притягивая меня к себе, лишая малейшей возможности отстраниться – *переиграть уже было нельзя*.

- Смотри на меня, – пророкотал он хрипло.

И, прежде чем я успела что-либо осознать, прежде чем мое тело успело сжаться в ожидании, Вадим вошел в меня одним резким, мощным, до боли глубоким, порывистым толчком, выгоняя из легких весь воздух и заставляя глаза закатиться.

Это было болезненно, несмотря на обилие моего желания. Непривычно. Необузданно. Шокирующе. Я вскрикнула – коротко и глухо, а он издал низкий, животный стон, полный похабного, грязного, абсолютного удовлетворения.

Толчок. Еще один. Разрывая меня изнутри, заполняя до предела, рассыпая в стонах.

Вадим брал меня. Брал жестко. И жадно. Без защиты. Полнейшее вторжение. Во всех смыслах. Брал так, что я терялась в лабиринтах ощущений, выпадая из реальности, забывая про весь остальной мир… Желание ударной волной вынесло здравый смысл… Я тряслась.

С каждым его проникновением внутренний пожар только усиливался, будто мой личный Белиал, подливая бензин, вы-

травливал из меня остатки рациональности и самоконтроля. Уничтожал их. Сжирал вместе с моей светлой душой, превращая ее в горстку пепла.

Это было даже не падение. Скорее головокружение во время полета в бездну…

Вадим замер на мгновение, давая мне прочувствовать каждый свой сантиметр, каждую пульсацию внутри. Его взгляд был каким-то ненормальным, расфокусированным, диким… одержимым, неистовым, исступленным… Этот совершенный мудак трахал меня так, что сводило скулы...

- Вера. Верочка… – не покидая меня, Завьялов резко наклонился, жадно припадая к моим губам. – *Прости меня*…

***

Но я не успела осознать, за что именно он просит прощения, потому что в этот миг мое тело расщепило под гнетом накрывшего всепоглощающего оргазма. Скрутило бескомпромиссным щемящим наслаждением еще в тот момент, когда в мой рот вторгся его язык.

Еще пара остервенелых движений, и наш поцелуй был прерван задушенным рваным выдохом Завьялова. Он молниеносно отстранился, запрокинув голову, сцепив зубы и изливаясь себе в кулак.

С трудом приподнявшись, я свела колени, поправляя задранный подол платья, и поймала его расслабленный, сытый взгляд.

Вадим неотрывно наблюдал за мной сквозь ресницы, чистой рукой натягивая спущенные брюки, белье.

Повисла тишина. Неловкая нелепая тишина.

Адреналин щедро разбавил мою кровь, заставив сердце иступлено застучать. Одновременно я почувствовала странное оцепенение, ступор.

Это молчание моментально снесло мои небесные эмоции до критических отметок.

Неужели он ничего мне не скажет?

Хотя, он уже и так сказал достаточно, и ответственность за случившееся целиком и полностью лежала на моим плечах, ведь Завьялов несколько раз просил меня уносить отсюда ноги…

Не желая больше продлевать неловкую сцену «после», поражаясь своему скудоумию, я спрыгнула со стола, и, не оборачиваясь, понеслась к выходу, не сразу сообразив, что на мне нет белья…

Может ли быть еще хуже, Вера?

Определенно, может! Потому что в холле первого этажа я буквально лицом к лицу столкнулась со Смирновой.

- Вера, я тебе написала, а ты не ответила… – зачастила Юлия, пока гости после показа медленно растекались по залу.

Судя по лицу Алины, окруженной журналистами и поклонниками, все прошло блестяще – сияя, она до сих пор принимала поздравления и цветы.

- А … да… – нервно переступая с ноги на ногу, промямлила я.

- Представляешь, я перепутала время, и мы опоздали… – она прыснула в ладошку, кивая на того самого импозантного мужчину, с которым я увидела Смирнову в окно: он стоял в компании нескольких мужчин, оживленно беседуя. – Сегодня у нас с Дмитрием что-то вроде первого официального выхода в свет, – глаза моей начальницы вспыхнули.

У них с этим Дмитрием, похоже, все было серьезно…

- Ох, рада за вас, – пробормотала я, мечтая скорее свернуть разговор, чтобы вернуться к своим традиционным страдашкам по Завьялову.

- Ну ладно, я пойду! Нехорошо заставлять своего кавалера ждать, – промурлыкала Смирнова.

Она ушла, и я тоже хотела откланяться по-английски, воспользовавшись услугами одного из извозчиков, таксующих на парковке перед рестораном.

Но в этот момент открылись входные двери, являя моему взору запыхавшегося отца в компании его бессменного камрада Анатолия.

На миг мужчины замерли.

Взгляд отца в распахнутом кашемировом пальто со внушительным букетом цветов метнулся по залу, очевидно, выискивая кого-то из нашей семьи.

Я сосредоточилась на дяде Толе.

Его могучая фигура была втиснута в дорогой, но катастро-

фически плохо сидящий на нем костюм. Пиджак натянулся на плечах, словно вот-вот лопнет по швам, а галстук был сдвинут набок, открывая воротник мятой рубашки.

Он сжимал в руках длиннющий букет из красных гладиолусов, типа таких, какими торговали бабушки на рынках перед днем знаний…

Помахав отцу, я с трудом сдержала нервный смешок, стараясь не смотреть на эти дурацкие гладиолусы, совсем не вовремя вспомнив, как однажды Маша Левицкая, во время посиделок с Алиной и моей мамой рассказала, что когда-то Анатолий ухаживал за ней, презентуя букеты гвоздичек… А дядя Паша приговаривал, что ее новый ухажер работает на кладбище…

Отыскав меня взглядом, папа направился прямиком ко мне. Анатолий последовал за ним, неуклюже обходя изящные коктейльные столики и стараясь не задеть никого своим «букетом первоклассника».

- Вера, – папа поцеловал меня в щеку. – Где мама? Мы немного задержались.

- Показ уже закончился, – я пожала плечами. – Она … неважно себя почувствовала, и не смогла приехать… – стараясь врать убедительно.

На лице отца моментально отразилась нешуточная тревога.

- Что с ней?

- Пап, лучше тебе самому к ней заехать и обо всем пого-

ворить, – выдерживая его внимательный взгляд, вздохнула я. – Кстати, где ты был? – задерживаясь на его взлохмаченной прическе.

- Долбанный эвакуатор, – качая головой, хмыкнул отец. – Встал на минуту в неположенном месте, чтобы купить букет для Алины. Купил… Так что пришлось чуть ли не драться с этими чертями, пытаясь отбить у них свой Гелик. И все равно погрузили. Сволота! – он стиснул челюсти. – Пока вызвонил Толю, пока доехали… – он как-то дергано пожал плечами.

Мне искренне хотелось ему верить, однако эта история прозвучала как-то не слишком правдоподобно…

Хотя сейчас я просто физически не могла докапываться до правды, в надежде, что папа все-таки поедет к маме, и они обо всем поговорят.

В этот момент из главного зала вышел дядя Кирилл. Увидев отца, на его лице промелькнуло странное выражение, а уголки губ дрогнули.

Папа натянуто улыбнулся, сделав шаг брату навстречу.

- Артем, Толя, – Алина тоже присоединилась к нашей компании. – Идите выпейте шампанского. Спасибо, что доехали! – с искренней улыбкой принимая букеты, и выслушивая их оправдания.

Вскоре Воронову снова дернули для какого-то интервью, дядя Толя переместился к столу с закусками…

Я смекнула, что это отличный момент, наконец, отпра-

виться восвояси, повернув голову в сторону выхода, и непроизвольно прикусила губу, от накатившего внутреннего смятения.

- Артем Александрович, – Завьялов протянул руку моему отцу. – Прошу прощения, что не сразу спустился – немного заработался. Сами знаете – сроки поджимают, – произнес он бархатным, абсолютно спокойным голосом.

- Вадим, здравствуй, – отец сразу перешел к обсуждению каких-то деловых формальностей.

Вадим повернулся к дяде Кириллу, обменявшись с ним крепким, мужским рукопожатием.

Я видела, как двигаются мышцы его спины под тонкой тканью рубашки. Мое тело сию секунду отозвалось постыдной болью-напоминанием. Щеки вспыхнули.

Они говорили о проекте. Слова Завьялова были лишены всякого подтекста.

Но я будто слышала его низкий голос у моего уха: *«Жестко хочу тебя, принцесса… Смотри на меня…»*. Видела, как его пальцы сжимали мои бедра, пока я, дрожа, раскрывалась перед ним…

***

Я щелкнула выключателем в прихожей, и мягкий свет бра рассеял мрак. Тишина сегодня была какой-то особенной, какой она бывает только в совершенно безлюдном большом доме.

В такси я прочитала сообщение от сестры: *«Останусь ночевать у Ильи, а утром он отвезет меня на учебу. Не скучай».*

Мама тоже написала, что не приедет. А отец передо мной не отчитывался, но я все-таки надеялась, что сегодняшнюю ночь он проведет рядом со своей женой.

Вернувшись домой, я первым делом понеслась в душ, практически на ходу избавляясь от одежды, язвительно посмеиваясь над собой, что уже прямо выработала армейскую сноровку раздеваться по щелчку. «Спасибо» Завьялову! Натренировал…

Включив воду, я сделала ее почти обжигающе горячей, и, шагнув под тугие струи, зажмурилась, позволяя воде бить в лицо, в плечи, в грудь…

После чего я вылила на мочалку почти половину флакона геля для душа с резким кисло-сладким запахом зеленого яблока, лишь бы только смыть с себя его прикосновения, которыми, казалось бы, я протравилась насквозь.

Вадим Мудакович, кстати, так и не вышел из образа Страшно-занятого-большого-Босса, до конца отыграв свою партию перед моим отцом. Сволочь продуманная.

А я вдруг запоздало осознала, что, возможно, этот секс – всего лишь грамотный ход с его стороны, с целью заставить меня, наконец, уволиться.

Вряд ли я теперь смогу работать с ним бок о бок, и уж точно не согласна на роль временной подстилки, которую мож-

но брать, когда ему вздумается…

С этими мыслями я покинула ванную, вернувшись в спальню, где на столе меня уже ждала традиционная коробочка сладостей. Несмотря на то, что мама здесь практически не появлялась, она не забывала радовать меня вкусняшками, только я вновь забыла обсудить с ней повод.

Устроившись поудобнее на кровати, я закинула ноги на подушку, и, сняв крышку с коробки, мгновенно почувствовала запах какао, ванили и орехов. Прикрыв глаза, я выудила хрустящую вафлю в шоколадной глазури… все еще пребывая там. С ним.

Как бы я не злилась на Завьялова, в глубине души я была рада, что у него ничего нет со Смирновой. И что он каким-то невообразимым образом повлиял на Женьку. Интересно, как? Что он ему сказал? В последние дни Женя даже в универе не попадался мне на глаза…

От всех этих новостей вкупе с нашей экстремальной близостью меня потряхивало. Кровь горячела. В сознании никак не укладывалось то, что сейчас меня скручивает совсем не от разочарования или чувства вины… О, нет.

Меня мелко потряхивало от вновь пробудившегося голода. По нему.

***

Из-за того, что последнюю пару отменили, я приехала в офис пораньше, и, едва ли держась на ногах из-за внутренне-

го мандража, вошла в кабинет, сразу заметив что-то неладное.

Большинство коллег сгрудились вокруг стола Катерины, которая копошилась в своих вещах, время от времени протирая краешком салфетки опухшие глаза.

- Что случилось? – тихо спросила я у Люси, чей стол располагался рядом с моим.

Повернув голову, коллега прошептала.

- Завьялов ее уволил.

- Ого. А почему? – изумленно уточнила я.

Люся помедлила, покосившись в сторону нашей бывшей коллеги, затем едва слышно произнесла.

- Поговаривают, она что-то подсыпала ему в напиток во время вчерашнего мероприятия… – осведомительница неуверенно пожала плечами.

- Подсыпала? – мое дыхание резко оборвалось сердцем, взятым в тиски.

- Я не знаю точно, но слышала, как рыжая сплетничала со своим айтишником… – Люся вновь покосилась на компашку в передней части офиса, еще понизив голос. – Вроде ее брат вчера работал официантом в кейтеринге, он принял у нашего босса заказ, в который эта дура подсыпала что-то типа виагры, – девушка смущенно улыбнулась, – но, похоже, ей так и не удалось развести Завьялова на секс. Скажу больше, с утра он был злой как черт! Впервые видела Вадима Михайловича таким…

Развести на секс…

Я едва не взвыла от своей просто непередаваемой непроходимой патологической тупости…

Сразу ведь почувствовала, что с ним что-то не так…

Да у него буквально на лбу большими красными буквами транслировалась надпись «не подходи – размажет», но вместо того, чтобы ретироваться, я залезла в этот счетчик высоковольтных проводов. В грозу. Я слышала гром и видела молнии, и все равно сделала шаг вперед, чтобы ощутить на себе весь этот ток.

А теперь я хотела окончательно расставить все точки, разобраться, что между нами, поэтому поднялась из-за стола, направляясь твердой походкой в его кабинет, где была встречена секретаршей Завьялова Еленой.

- Вадим Михайлович сегодня крайне занят. Он никого не принимает, – отчеканила она, даже не поднимая глаз от монитора.

Усмехнувшись, я сделала вид, что не расслышала ее, толкая тяжелую дверь.

- Эй, я же сказа… – не глядя на возмущенную секретаршу, я впорхнула в кабинет Большого босса, замирая в центре просторного помещения.

Завьялов с крайне сосредоточенным видом разглядывал бумаги, разложенные на столе. Около его локтя покоился бокал с янтарной жидкостью, и что-то мне подсказывало – это не яблочный сок.

- Вадим Михайлович, она меня не послушала…

- Лена, все нормально. Закрой, пожалуйста, дверь, – ровно отчеканил он, даже не удосужившись поднять голову.

Уголок его рта дрогнул в едва заметной усмешке.

- Ну, хорошо. Но если что… – начала секретарша с фальшивой вежливостью, однако Мудакович ее перебил.

- Я постараюсь сам справиться с этим порывом, вернее «прорывом», – медленно поднимая на меня немигающий взгляд карих глаз.

Когда секретарша закрыла за собой дверь, аккумулирующееся между нами напряжение достигло критической отметки, так что мне стало трудно дышать.

- Вера, присаживайся, – на удивление мягко озвучил Завьялов.

- Я постою.

- Ах, да. Ты же все делаешь по-своему. Как я мог забыть? – паскудно улыбнувшись, Мудакович вытащил из верхнего ящика стола зажигалку и пачку сигарет. – Не возражаешь? – с налетом иронии глядя мне в глаза.

Так и хотелось ответить, «Травись, дорогой», но я лишь саркастично усмехнулась.

Отодвинув кресло, Завьялов поднялся, на довольно безопасном расстоянии от меня прошествовав к панорамному окну. Найдя незаметную ручку, он повернул ее, впуская в помещение прохладный воздух.

Щелкнув зажигалкой, уже спустя миг Большой Босс под-

нес зажжённую сигарету к своим губам, делая быструю нервную затяжку: все это время он не отрывал от меня своего сосредоточенного взгляда. Также как и я от него.

Не собиралась проигрывать в этой моральной схватке, хоть пальцы на моей сжатой ладони слегка дрогнули, когда я вдруг уловила шлейф дорогого мужского парфюма, не вовремя припомнив наше вчерашнее безумие.

Завьялов всласть затягивался, пронзая меня напитывающимся мрачными тенями цепким взглядом, похоже, и не собираясь начинать разговор.

Тогда я не выдержала, топнув ножкой.

- Я услышала от коллег о том, что произошло… И, знаешь, то, что ты вчера ничего мне не сказал… – я осеклась, задыхаясь от возмущения.

- Чудо мое, ты реально думаешь, я был в курсе? – произнес он протяжным полушепотом, запускающим мурашки по коже.

Вадим так пристально вглядывался в мое лицо.

- А ты не знал? – на робком выдохе уточнила я.

- Само собой нет, иначе я бы прямо там на месте придушил эту сучку, – медленно затягиваясь и также неторопливо выдыхая дым. – Я не осознавал до конца, – добавил он, с одуряющей хрипотцой в глубоком задумчивом голосе, – потому что всегда испытываю к тебе нечто подобное, – он вздохнул. – Но когда вчера меня снова накрыло – уже в тачке, понял, что дело дрянь и отправился к своему знакомому эскулапу.

Экспресс-тест подтвердил мои подозрения, – сделав последнюю затяжку, Большой босс отправил окурок за окно.

- И что теперь? – тихо спросил я.

- Катерина Станиславовна уволена. Вчера я так озверел, что даже думал накатать на нее заяву, чтобы в следующий раз неповадно было заниматься подобной херней… – глубокий вздох. – Но сегодня немного остыл – жаль тратить на эту бестолочь свое время, – Завьялов склонил голову вправо, будто мне реально было дело до того, как его бедного-несчастного опоили, буквально вынудив меня трахнуть.

Может, я еще должна была ему посочувствовать?

Ну, уж нет, не на ту напал.

Я подавила нервный смешок.

- И ты даже ничего не хочешь мне сказать? – увы, получилось гораздо эмоциональнее, чем я планировала.

- А что тут скажешь? – он как-то странно рассмеялся. – Напрашивается лишь один выход, – и вот мне совсем не понравилась интонации, с которой это было озвучено.

- Уволить меня?

- Ответ не верный, – его глаза вспыхнули чем-то темным и непроглядным.

- Тогда что? Снова делать вид, будто ничего не происходит?

Завьялов медленно прикрыл глаза.

- Думаешь, у нас получится? – краткая усмешка. – Проблема в том, что я постоянно испытываю к тебе нечто подоб-

ное. Мой член становится твердым от одной мысли о тебе, – он усмехнулся. – Сегодня мне ничего не подливали, но особой разницы нет. Я едва сдерживаюсь, чтобы не подойти к тебе и не напомнить, кому ты принадлежишь, – его губы искривились в едва заметной улыбке.

Кому ты принадлежишь…

Я так опешила от данного откровения, что не нашлась, что возразить. Тем временем, Завьялов продолжил очень-очень тихо.

- То, как я на тебя реагирую ненормально. Я до сих пор корю себя за то, что все это допустил… что той ночью не смог остановиться. Ну, а дальше… Как оказалось, моя мышечная память слишком хорошо работает, в отличие от самоконтроля… впервые за долгие годы он так сбоит, – подняв взгляд, Вадим внимательно посмотрел мне в глаза. – Иначе сейчас бы я не стоял перед моральной дилеммой: пойти на поводу у собственного эгоизма или все-таки руководствоваться голосом разума? – почти не различимым шепотом.

- А в переводе с философского на человеческий можно? – растерянно выдавила я.

- А в переводе на человеческий… – лукаво мне улыбнулся. – Ни одна девушка еще не имела такой власти над моим телом и душой. Поправка, девушка, которую я сам же сделал женщиной, – как-то горестно вздохнув. – Я пытался жить дальше. Даже общаться кое с кем… но после того, что произошло вчера я осознал, что больше не могу этому противо-

стоять, – продолжая пригвождать меня к месту спокойным ровным взглядом.

Я осознал, что больше не могу этому противостоять.

Прямолинейно, ничего не скажешь.

Когда он медленно двинулся на меня, мне показалось, что мир, опасно накренившись, задрожал, потому что такого поворота событий я точно не ожидала…

- Но люди не всегда должны идти на поводу у своих желаний, Вера, особенно наперед зная масштаб надвигающейся катастрофы. Не находишь? – выдал он резко и как-то зло, не переставая приближаться ко мне с грацией хищника, взглядом удерживая на месте.

Масштаб надвигающейся катастрофы…

Что-то в словах Большого босса неприятно так резануло по моим натянутым нервам.

- Ты можешь говорить яснее? – пробормотала я, чувствуя ускоренное сердцебиение.

- Да куда уж яснее… – я даже моргнуть не успела, когда Вадим резко выбросил руку, обвивая ее вокруг моей талии, а в следующее мгновение, навалившись всем телом, он вжал меня ягодицами в край стола.

- Принцесса, ты вынуждаешь меня принимать крайне необдуманные решения, ведь мне придется нести ответственность за последствия, которые эти решения будут иметь, – я ахнула, когда Завьялов припал к моим губам в наглом, требовательном поцелуе, втискивая в мой рот своим

языком.

Одна его рука скользнула мне под юбку, нащупывая край липкой ленты чулка, и у меня электрический разряд пронесся по коже. Накатившее желание едва ли не разорвало изнутри. Хаос окончательно завладел моим существом.

- Малышка, ты смерти моей желаешь? – сорвано пророкотал Вадим, грубо сминая кожу чуть выше пресловутой резинки.

Он продолжил глубоко, пошло, со знанием дела меня целовать, усаживая на стол, и подсказывая обвить его талию ногами, чтобы почувствовать… *все прочувствовать*.

Щелчок открывающейся двери прозвучал как выстрел, во время которого время замедлилось до ужасающей скорости.

Момент осознания вспышкой…

И окаменевшее от ярости лицо моего отца.

Удар.

Короткий, глухой.

Но такой силы, что Вадим, потеряв равновесие, отлетел от меня, рухнув на пол…

Отец метнулся к Вадиму с очевидным намерением добить, когда я буквально повисла у него на руке, вынуждая хоть немного сбавить обороты и пытаясь воззвать к отлетевшему в дальние дали здравому смыслу.

- Папа… папочка-а-а… – дрожащими губами шептала я, мотанувшись на его руке. – Не трогай его, пожалуйста! Это все я-я… – задушенный всхлип, – я сама его спровоцирова-

ла… – хоть и находясь в состоянии аффекта, пошатнувшийся голос разума настоятельно рекомендовал взять всю вину на себя, собственно, что я и сделала.

Отец так и застыл, замахнувшись.

Очевидно, он был сражен столь неожиданным признанием, наверняка, его остановило еще и то, что Завьялов не сопротивлялся.

Вадим с каменным лицом сидел на полу, склонившись корпусом вперед, и глядя куда-то сквозь меня.

Отпрянув, я в немом ужасе наблюдала, как отец пинком перевернул журнальный столик, еще одним точным ударом стопы отломив от него ножку.

Я зажмурилась от глухого стука дерева и звона бьющегося стекла, чувствуя, как вся кровь отхлынула от лица, продолжая погружаться в кромешный ад.

- Какого хера сейчас было, Вадим Михайлович? – произнес папа, обманчиво безэмоциональным голосом.

- Пап, это все я… Говорю же, я сама на него вешалась, и вот… Завьялов не выдержал… – выдохнула я, чувствуя, как разрывает напитываемые адреналином нервы, а грудная клетка от напряжения буквально трещит по швам. – Пап, послу…

- Вера, замолчи! – прервал меня отец резким и каким-то гипнотическим голосом, холодно глядя исподлобья.

- Не разговаривай с ней так. Она здесь не причем, – а это уже был Завьялов.

По кабинету разлилась давящая, густая тишина. Казалось, время застыло.

И внутри у меня тоже все застыло.

А потом треснуло, раскрошившись на миллион осколков, потому что взгляд папы, направленный на Вадима, был красноречивее любых слов – если бы можно было разорвать на куски одним только взглядом…

Вот именно этим сейчас и занимался мой отец – четвертовал Большого босса глазами, параллельно разрывая мою душу на куски.

- Пап, пожалуйста, просто выслу… – но договорить я не смогла, проваливаясь в полный кошмар, господствующий в его темных глазах.

Я даже не могла припомнить, когда в последний раз видела отца таким – едва ли себя контролирующим, взбешенным, полностью дезориентированным, со сведенными челюстями, на которых отчетливо проступали желваки, и подрагивающим от сдерживаемого гнева подбородком.

- Вера, выйди. Нам с Вадимом Михайловичем надо пообщаться, – деланно ровным, спокойным голосом.

Ха-ха. Так я и поверила, не безосновательно догадываясь, что произойдет, стоит мне только покинуть кабинет, даже в красках представив, как его стены оросятся багрово-красным…

Не дождется!

- Я никуда не пойду! Разговаривайте при мне! – гулко вы-

дохнула я, ощущая, как в преддверии накатывающей истерики, внутренности стягивает в тугой узел.

- Вера… – мягко обратился ко мне Завьялов, с нерушимым спокойствием продолжая глядеть в глаза. – Сделай так, как он говорит. Нам с твоим отцом надо обсудить один важный вопрос.

Обсудить… Очень. Смешно.

- Пап… – вытолкнула я, срывающимся голосом. – Это все я… Слышишь? – убито вздохнула, запоздало представив масштаб произошедшего, где подбитый глаз или челюсть Вадима – это меньшее, что ему грозило, ведь теперь он мог лишиться работы…

Отец прикрыл глаза дрожащими ресницами, явно сдерживаясь из последних сил.

По теням, сгущающимся на дне бездонных зрачков Вадима, я вдруг осознала, что он с титаническим трудом удерживает эту маску хладнокровия, которая в любую секунду может пойти трещинами — вот тогда и начнется настоящий ад.

- Вера, жди меня в тачке, – ледяным, не терпящим возражений тоном бросил отец, протягивая мне ключи, и я вынуждена была подчиниться, решив не усугублять и без того кошмарную ситуацию.

***

Я прильнула лбом к холодному стеклу, пытаясь хоть както остудить пылающую кожу. Злые слезы подступали к гор-

лу, но я стиснула зубы, не давая им прорваться.

Сердце колотилось где-то в горле. Я сжала кулаки так, что ногти впились в ладони, почти не чувствуя боли, только дичайшее отчаяние, переживая лишь о том, как бы они там не поубивали друг друга.

Однако отец вернулся гораздо быстрее, чем я полагала.

Звук открывающейся водительской двери заставил меня вздрогнуть.

Папа даже на меня не взглянул: быстро вставил ключ, резко повернул его, и машина сорвалась с места. Он вцепился в руль побелевшими костяшками, на первом же перекрестке подрезав другую машину…

Какое-то время мы оба молчали.

Меня вымораживало его показное равнодушие – уж лучше бы наорал на меня последними словами… Хотя, собственно, ну, что такого я сделала?

Всего-то позволила себе чуточку потерять голову…

- Пап… Ну что? – наконец, не выдержала я, поражаясь тому, как слабо и жалко прозвучал мой голос.

Он не ответил, продолжая уничтожать меня своим долбанным игнором. Пять… десять… Пятнадцать минут… пока мы ехали по загородной трассе в сторону дому… это молчание давило на барабанные перепонки, как давление на глубине.

Я не выдержала.

- Что ты ему сказал?

Отец резко повернул ко мне голову. В полумраке салона его глаза напоминали две узкие щели.

- Я сказал Завьялову все, что о нем думаю. Ты там, кстати, больше не работаешь, – он снова уставился на дорогу, яростно выворачивая на соседнюю полосу.

***

Остаток пути до дома прошел в тяжелой предгрозовой тишине.

Я с трудом сдержалась, чтобы с ним не спорить.

В конце концов, учитывая отцовский характер, ему требовалось время, чтобы хоть как-нибудь свыкнуться с подобным положением вещей…

Вернувшись домой, мы разошлись по комнатам. Вскоре с окна я увидела, что приехала мама. Судя по тому, что она ко мне не поднялась, отец перехватил ее еще на первом этаже, утащив в свой кабинет, дабы обсудить «сложившуюся ситуацию».

И я очень надеялась, она разрешится в мою пользу, даже не догадываясь, что именно услышу, притаившись за дверью…

***

Несколько часов назад

POV. Артем Апостолов

- Лен, Завьялов на месте? – после дежурного кивка, поин-

тересовался я.

- Да. У него Вера… – не слишком уверенно протянула секретарша.

Вера?

Я машинально повернул голову, отметив, как на ее щеках расцветает неловкий румянец.

Да ну, на х*й?

Войдя в помещение без стука, я стал свидетелем картины, никак не складывающейся в единое целое у меня в башке. Нет.

Бл*ть. Нет.

Время застыло, напитывая черной яростью мои натянутые нервы, пока кровь насыщалась безумием. Моргнул, стараясь развидеть. Увы…

Стол, заваленный бумагами. Моя дочь, откинувшаяся на столешнице. И мужская фигура, склонившаяся над ней. Фигура человека, не один год находившегося у меня на доверии, с которым я бухал несколько дней назад, и который еще вчера пожимал мне руку…

Сейчас эта тварь грязно лапала мою дочь.

И хаос на дне моей души взревел. Ярость затопила меня изнутри. В этот миг я не думал… Тело среагировало само, вложив в мой сжатый взметнувшийся кулак всю тяжесть подорванного доверия.

Получай, сука.

Я даже не почувствовал боли в костяшках – только удо-

влетворение от того, как этот мудак отлетел от Веры, тяжело рухнув на пол… В этот миг мной руководило одно единственное желание – добить тварь, пустив ему кровушки…

Однако, внезапная тяжесть в виде дочери, повисшей на моей руке, вынудила меня немного сбавить карательные обороты…

- Папа… Папочка-а-а… – запричитала она у меня над ухом, втирая, что это она его, оказывается, спровоцировала.

О, как!

Она – юная скромная девушка, спровоцировала взрослого прожжённого мужика!

Су-ка. Меня аж затрясло. Не справившись с очередным, разрывающим на части порывом, я со всей дури ебнул столик ногой, и, он, перевернувшись, развалился на части, наполнив кабинет звуком битого стекла.

- Какого хера сейчас было, Вадим Михайлович? – обманчиво ровным голосом.

- Пап, это все я… Говорю же, я сама на него вешалась… И вот… Завьялов не выдержал! Пап, послу…

- Вера, замолчи! – сцепив челюсти, я задержал дыхание, чтобы хоть немного заземлиться.

Не получалось ни хера…

- Не разговаривай с ней так. Она здесь не причем… – тварь, скорчившаяся на полу, подала голос.

Несколько секунд я пристально смотрел Вадиму в глаза, в надежде *не* отыскать там подтверждения, а когда все-таки

отыскал, молниеносно проанализировав краткий взгляд Завьялова, направленный на мою дочурку…

В горле пересохло.

Нет.

Да быть такого не может…

Сука. Ебаная сучня.

Все сосуды сузились, урезая питание сердца…

И когда только успели?!

Она проработала-то здесь всего ничего…

Я перевел расфокусированный взгляд с Завьялова на Веру, окончательно убедившись в верности своих умозаключений. Было. Уже все было. Не успел. Я не успел оградить свою чистую нежную девочку от этого продуманного мудака.

- Пап, пожалуйста, просто выслушай… – Вера резко осеклась, опуская взгляд, явно прочитав все по моему лицу.

В кабинете установилась гробовая тишина. Я пару раз судорожно сглотнул.

- Вера, выйди. Нам с Вадимом Михайловичем надо пообщаться, – с титаническим трудом сдерживая свои кулаки, пока эта наивная дурочка продолжала со мной препираться.

После того как дочь, наконец, покинула этот чертов кабинет, отправившись в мою тачку, ураган в груди разыгрался по новой. Не дожидаясь, когда поднявшийся на ноги Завьялов займет свое кресло, я молниеносно сократил расстояние, на этот раз съездив вероломному уроду по челюсти.

Эту тварь слегка покачнуло.

- Я ж тебе доверял, Вадик, – удерживая его на привязи своего взгляда. – Как же так?

- Не пари горячку, Артем, – спокойно произнес он, не отводя глаз. – Можешь еще пару раз съездить мне по морде, а потом предлагаю побазарить по существу.

Побазарить он мне предлагает… О том, как он оприходовал мою дочь… Е-ба…

- Я ж тебе верил. Я тебя в свой дом впускал, – новый удар был коротким, резким и невероятно мощным.

Из горла Завьялова вырвался лишь глухой резкий выдох, тонкая струйка крови вытекла из уголка его рта, и это зрелище меня слегка отрезвило. Слегка.

- Присаживайся, Рембо, – откашлявшись, ровно предложил мне «Вадим Михайлович», тяжело опускаясь в свое кресло.

Ухмыльнувшись, я все-таки принял его предложение «побазарить», уже предвидя череду всякой дичи в виде тупейших оправданий этого уебка, осквернившего самое дорогое.

Однако он в каком-то смысле меня удивил, что называется, нанеся «ответный удар».

- Артем Александрович, я не собираюсь ходить вокруг да около. Виноват, что сразу не поставил тебя в известность, – начал он негромким, но твердым голосом. – Но, полагаю, такие вещи, сперва, нужно обсуждать в паре, и только потом уже ставить в известность остальных членов семьи своей невесты…

Чего, бл*ть?

В голове шум, а в ушах звон.

Какой на хер невесты?

- Если бы ты вошел хотя бы на пару минут позже, я бы успел закончить начатое, предложив твоей дочери руку и сердце, – он порывисто вздохнул, откинувшись на спинку кресла. – Но, увы, имеем то, что имеем, – протирая тыльной стороной ладони кровь с губ. – В любом случае, я ставлю тебя в известность о серьезности своих намерений, – еще один вздох, на этот раз с нотками облегчения в голосе. – Я люблю твою дочь, и хочу, чтобы она стала моей женой, – глаза Завьялова полыхнули железобетонной уверенностью.

Он слегка подался вперед, ожидая моего ответа-вердикта.

Сука.

Сука-а.

Ебучая тварь.

Как же все обставил-то…

- И давно это у вас? – прохрипел я, пытаясь задушить свою ярость.

- Все произошло на Алтае, – он пожал плечами, – но чувства у меня к ней появились гораздо раньше, – очень негромко, почти шепотом, – и когда я увидел с ее стороны взаимность… – меня едва не порвало от огня, полыхнувшего в его сучьих глазах.

Вне всякого сомнения, эта тварь всерьез запала на мою дочь.

И нужно было что-то с этим делать… Срочно.

***

Я люблю твою дочь, и хочу, чтобы она стала моей женой…

Сделав свистящий вздох, я почувствовал, как сжатый кулак медленно разжимается, глядя на окровавленное лицо Завьялова. Мысли метались в башке, не находя разумного выхода, изъеденные происходящим пиздецом.

Я впал в конкретный ступор. Подвис. Не желая думать, как тупо я выгляжу. Еще пару минут назад махал кулаками, а теперь система засбоила, выдавая бесконечный «error».

Разумеется, я всеми фибрами души был против этого союза, однако никак не мог постигнуть, на какие рычаги давить?

Первое, что приходило в голову – отправить Завьялова обратно в Артыбаш, крутить лошадям хвосты, а Веру сослать куда-нибудь в Европу, набираться уму-разуму вдали от своего престарелого любовного интереса.

Вот только, дочь уже была в том возрасте, когда могла целиком и полностью распоряжаться своей жизнью, и, даже отправив ее за тридевять земель, я не мог запретить ей купить билет до Алтая…

Увы, сейчас я уже ничего не мог ей запретить.

В этом плане пройдохе-Левицкому, как всегда, повезло.

Мой племянник подкатил яйца к его дочке в том воз-

расте, когда без родительского согласия они не могли и шагу ступить, поэтому Паша в самые кратчайшие сроки сбагрил неугодного ухажера на чужбину.

Правда, ему удалось лишь немного отсрочить неизбежное… Я с превеликим удовольствием помог своему родственнику вернуться домой и воссоединиться с Полиной.

Однако ситуация моей дочери кардинально отличалась.

Мысли метались, врезаясь одна в другую, будто я дикое животное, загнанное в капкан. Не вовремя вспомнил, как она повисла на моей руке, защищая эту тварь. Из чего можно было сделать вывод, что жесткий запрет только оттолкнет мою девочку…

Тогда что?

Смириться?

Я резко провел фалангами по лицу, представив Завьялова своим зятем. Нет. Этого нельзя было допустить… Ни в коем разе. Только действовать нужно было осторожно, сперва, хорошенько все обмозговав.

- Я скоро тебя наберу. Будь на связи, – больше не глядя на этого мудака, я поднялся, долбанув дверью.

Поездка от парковки отеля до нашего загородного дома прошла в состоянии аффекта. Мы с Верой перекинулись лишь парой фраз, и общение это явно не складывалось.

Ну, не мог я пока с собой совладать. Был зол. Чертовски. Еще одна тихоня в нашей семье. Отличилась. Всех переплюнула. Ты посмотри-ка на нее…

С этими мыслями я резко затормозил около дома, рассеянно глядя в спину стремительно удаляющейся дочери. Пальцы сжали руль так, что кожа на костяшках натянулась и побелела, из груди вырвался судорожный прерывистый вздох.

Я заебался.

Как же я заебался…

В последние недели все шло наперекосяк.

Просто. Все.

И связь моей дочки с Завьяловым стала последним аккордом в этой пиздецки грустной симфонии моей жизни.

- *Саша, срочно приезжай домой. Кое-что случилось. Это связано с Верой. Нам надо поговорить…* – набрал я сообщение жене.

Телефон молниеносно ожил у меня в ладони. Однако я намеренно сбросил вызов, прекрасно зная характер своей супруги – если речь шла о наших детях, для нее не существовало ничего важнее. Менее чем через час она уже будет здесь.

Вот и прекрасно, давно уже назревала тема для разговора…

Дожидаясь приезда моей Сахарной, я устроился в кабинете, запирая дверь на ключ, после чего упал в кресло, найдя потайную защелку в нижнем ящике письменного стола. С тихим щелчком открылся маленький сейф, внутри которого лежала одна вещь, завернутая в пергамент.

Моя последняя надежда.

Развернув ее, я уставился на бутылку из темного стекла. Внутри плескалась темно-коричневая жидкость, источающая терпкий, горьковатый запах трав и кореньев.

Открутив крышку, я сделал несколько жадных глотков, интуитивно вымерив свою дозу, и комната медленно поплыла перед глазами…

Я увидел убогую избушку на склоне горы и сухую древнюю старуху с лицом, испещренным морщинами.

«Я столько о ней слышал… Она лечит травами. Говорят, дар от Бога. Поделись с ней своей проблемой, расскажи ей про всю свою боль… Кто знает, Темыч… Кто знает…» – шепнул мне на ухо Левицкий рано утром после их венчания несколько недель назад. – *«По крайней мере, попробуй… Я так хочу вместе с тобой возить наших пацанов в футбольную секцию»,* – разоткровенничался конкретно перебухавший отец-молодец.

Не думал, что поведусь на уговоры своего дружка…

До того момента, пока случайно не застукал Сашу в слезах. Снова.

Моя любимая женщина вновь плакала втихаря.

Думала, что ее никто не видит.

А я засек…

Я летал на Алтай два раза за этот месяц. Второй раз – на прошлой неделе, сказав Александре, что был в командировке в Твери. Придурок. Но сказать правду язык не поворачивался… Я просто не мог.

… Густая вязкая жидкость обожгла мне горло. Поморщившись, я откинул голову на спинку кресла, затуманенным взглядом уставившись в идеально ровный потолок.

Мы столько лет пытались… в принципе никогда не предохраняясь. Конечно, пока подрастали девочки этот вопрос вообще не поднимался. Однако в прошлом году девчонкам исполнилось по двадцать лет.

Я знал, как она мечтала об этом, хоть и старалась не показывать вида.

Крайнее обследование показало, что Саша еще могла бы иметь своих детей… Как нам сказал доктор: «Ее биологические часы скоро перестанут работать». Моя любимая могла успеть заскочить в последний вагон…

Без меня.

Горько усмехнувшись, я сжал бутылку так, что горлышко затрещало.

А ведь когда-то я пообещал сделать Сахарную Сашу счастливой.

Стало быть… не смог?

***

Я вздрогнул от резкого стука в дверь.

Сунув бутылку обратно в сейф, я захлопнул его, быстро поднимаясь и открывая жене.

- Запираешься в собственном доме? – моя благоверная округлила глаза. – Какой-то новый уровень социофобии? –

нахмурившись, Саша застыла в дверном проеме.

Я едва сдержал нервный смех, вспоминая, чем тут занимался. Пожалуй, даже одинокая дрочка была бы менее неловкой…

- Я тоже рад тебя видеть, – окинул любимую женщину беглым взглядом.

В ее скрещенных на груди руках читалась уже привычная настороженность, граничащая с готовностью к новой ссоре.

- Так что случилось, Артем? – голос Александры потерял привычные оборонительные нотки, задержавшись на моем лице, в то время как во мне вновь проснулась жажда Завьяловской крови. – Я звонила Вере, она сказала, что расскажет мне обо всем дома… Это как-то связано с ее новой работой?

- Ну, в общих чертах, – я попытался протолкнуть слова через ком в горле, кивая жене на кресло около стола. – Ты лучше присядь…

- Да что случилось? – она медленно шагнула внутрь, притворив за собой дверь.

- Я…

Бл*дь. Язык не поворачивался произнести это вслух.

- Артем? – прошептала Саша бледнея.

- Вера с Завьяловым. В его кабинете.

Крошечные мимические морщинки около ее бровей моментально разгладились, будто я не сказал ничего такого.

- И что? Она у него работает! – жена усмехнулась. – Ради этого ты дернул меня с планерки?

Выматерившись сквозь зубы, я убито вздохнул.

- Как выяснилось, наша дочь работала у него сверхурочно…

- Что? – Саша издала короткий нервный смешок.

- То самое…

Сжав виски пальцами, я попытался выдавить из себя это видение.

- Я застукал, как они обжимались у него на столе, – и моя рука инстинктивно потянулась к горлу, будто это была шея этого мудака. – Я… я его ударил, Саш…

- Боже мой... – озадаченно пробормотала она. – Вера и Вадим? – на сиплом вздохе.

Тишина в кабине сделалась оглушительной, а Александра все-таки присела в кресло, лихорадочно теребя края кардигана.

Резко кивнув, я направился к бару. Дернув за ручку стеклянной дверцы, выудил оттуда бутылку шотландского виски, после чего потянулся за двумя бокалами, заполняя их примерно до середины.

Я, молча, протянул один из них жене. Саша приняла его, глядя на меня растерянными, полными смятения глазами.

- Расскажи подробнее… Я что-то ничего не понимаю…Ты хочешь сказать, Завьялов соблазнил нашу Веру? Он ее… что… – Сашин голос сорвался на хриплый шепот, она вся побледнела и выглядела так, будто сейчас свалится в обморок. – Артем, что ты видел?! Не молчи! – любимая сходу

ополовинила большую часть крепкого алкоголя, глядя на меня во все глаза, я же не без удовольствия отметил, что сегодня моей женушке не удастся сбежать от меня на городскую квартиру…

Ну, хоть какая-то польза от мудня Завьялова. С паршивой овцы хоть шерсти клок…

- Погоди, успокойся, – протягивая руку, я сжал ее дрожащую ладонь. – Я застукал, как они обжимались, – делая большой глоток виски, – вне всякого сомнения, этот урод задурил нашей Верке голову, – я мрачно усмехнулся, глядя на золотистую жидкость в стакане.

- Но погоди… – таким тихим, разбитым голосом, что у меня сердце сжалось. – Она же работает там чуть больше трех недель… Ты уверен, что они уже… – Саша на мгновение зажмурилась. – Просто это так не вяжется с нашей Верой. Неужели он ее… Вадим всегда производил впечатление надежного, порядочного мужика… И такое… – она залпом опустошила содержимое своего бокала, сморщившись, как лимон.

- У них все уже было, Саш. У нашей на лице написано, – процедил я, с силой поставив стакан на стол.

- И что Вера? – с прорывающейся наружу материнской болью. – Она сказала тебе что-нибудь?

- Как ты думаешь? – едкий смешок. – Бросилась грудью на амбразуру защищать этого козла… Говорю же, задурил ей голову…

- А Завьялов? – едва слышно.

Я сделал еще один глоток, поморщившись – горький вкус виски смешался с горечью в моей прокопченной душе.

- Сказал, что у него серьезные намерения, и он хочет на ней жениться, – вытолкнул я, сквозь зубы.

Пауза. Наполненная каким-то странным веянием в воздухе.

Я ждал взрыва или проклятий, но вместо этого в глазах Саши промелькнуло нечто наподобие облегчения.

- Серьезные намерения? – рассеянно переспросила она. – И он хочет жениться на нашей дочери? Это он сам тебе сказал или ты его вынудил? – напряженно уточнила жена, вращая пустой стакан между пальцами.

- Саш, ты сейчас серьезно? – вытолкнул я, хватаясь за свой виски.

Любимая на секунду закрыла глаза, собираясь с мыслями.

- Я просто пытаюсь понять, что у Завьялова в голове. Ты ворвался, ударил его… – она вздохнула. – Может, правильнее было бы, сперва, спокойно разобраться в ситуации?

- Да в чем тут разбираться?! Или ты готова благословить союз этого престарелого извращенца с нашей девочкой? Если ты забыла, то он старше ее на семнадцать лет! Она ему в дочки годится! – не сдержавшись, я ударил кулаком по столу, на что Александра со снисходительным выражением лица закатила свои очаровательные глазки.

- Ты тоже, похоже, кое о чем забыл… – истеричный сме-

шок. – Например, о нашей двенадцатилетней разнице! Апостолов, ну, ей, Богу… если их разница в возрасте – это главная проблема, то, на мой, взгляд, все не так уж страшно. Особенно, учитывая серьезные намерения Вадима в отношении Веры…

Вадима… бля…

- И что ты предлагаешь? Давай-ка по существу?!

- Я предлагаю, сперва, поговорить с нашей дочерью, чтобы узнать обо всем из первых уст, так сказать. А потом уже пригласить присоединиться к разговору и Завьялова. Думаю, так будет правильнее и честнее всего, – Саша пожала плечами.

Я хотел возразить ей что-то едкое, но в этот момент дверь в кабинет бесшумно приоткрылась…

В проеме стояла Вера, бледная как полотно, с огромными, полными слез глазами.

- Пап, почему ты мне сразу не сказал, что он хочет на мне жениться? – дочка адресовала мне разочарованный взгляд. – Почему ты ничего мне не сказал?

POV Вера

Толкнув дверь, я застыла на пороге, глядя на сидящих с напряженными лицами родителей, перед ними на столе стояло два бокала из-под виски.

Они пили!

Почему-то данное открытие еще сильнее вывело из себя.

Их спор долетел до меня лишь обрывками, однако я услы-

шала достаточно.

«Сказал, что у него серьезные намерения, и он хочет на ней жениться»…

После этой фразы все у меня перед глазами поплыло, а сердце долбануло так, что даже дышать стало тяжко. Грудную клетку сдавило от несправедливости и обиды. Обиды на моего родного отца…

Как? Как он не сказал мне об этом сразу? Почему он ничего мне не сказал?! Разве я не должна была узнать об этом раньше мамы? Сразу, как только отец вернулся в автомобиль?

- Пап, я задала тебе вопрос, – глухо повторила я, делая шаг в кабинет.

- Вера, ты все неправильно поняла, – сухо отбил он, уводя взгляд куда-то мне за плечо.

- И что же во фразе «он хочет на ней жениться такого непонятного»? М? – выцедила я, сжимая челюсти.

- Милая, для начала нам всем нужно успокоиться… – дипломатично начал отец.

Увы, я не захотела даже слушать.

- Отлично! Вы с мамой можете *спокойно* продолжить дегустацию коллекционного виски или что там у вас в бокалах? А я пока пойду собирать чемоданы! – натянуто улыбнувшись, я сделала медленный глубокий книксен.

- Вера, какие, на хрен, чемоданы? – сверкнув глазами, резко отрубил отец. – О чем, черт возьми, ты говоришь?! – он

выглядел так, будто еще немного, и у него повалит пар из ушей.

А что это вы, Артем Александрович, так завелись? Ха!

- Как какие? Переезжаю к Завьялову!

Я скрипнула зубами от ударившей внутри злости, уже поворачиваясь к двери, однако в этот момент мама, стремительно поднявшись из-за стола, перехватила меня за запястье, шепнув:

- Дорогая, иди к себе. Я сейчас приду, – удивительно, но одного ее спокойного уверенного взгляда хватило, чтобы я моментально подчинилась, и, больше не глядя на отца, выбежала из кабинета.

… Я не могла сказать, сколько времени прошло, пока мама, молча, слушала меня, не перебивая…

Конечно, я прошлась по самым верхушкам наших «отношений с Завьяловым», не вдаваясь в подробности, однако чувствовала в себе неистребимую потребность, наконец, с ней поделиться.

Когда же я выдохлась, в комнате снова повисла тишина.

Какое-то время я лежала, как в детстве уткнувшись головой в мамино плечо. Никто из нас не спешил нарушить молчание, погруженный в собственные мысли.

- Родная, и ты, правда, готова связать с ним свою жизнь? – наконец, тихо спросила она. – Вы же совсем друг друга не знаете… – неловкий смешок. – Ну, из того, что я узнала, кажется, вы не тратили время на разговоры? М?

Хорошо, что в комнате царил уютный полумрак, иначе мама заметила бы, как зарделись мои щеки, ведь, кажется, мы впервые вели с ней столь откровенные разговоры…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.